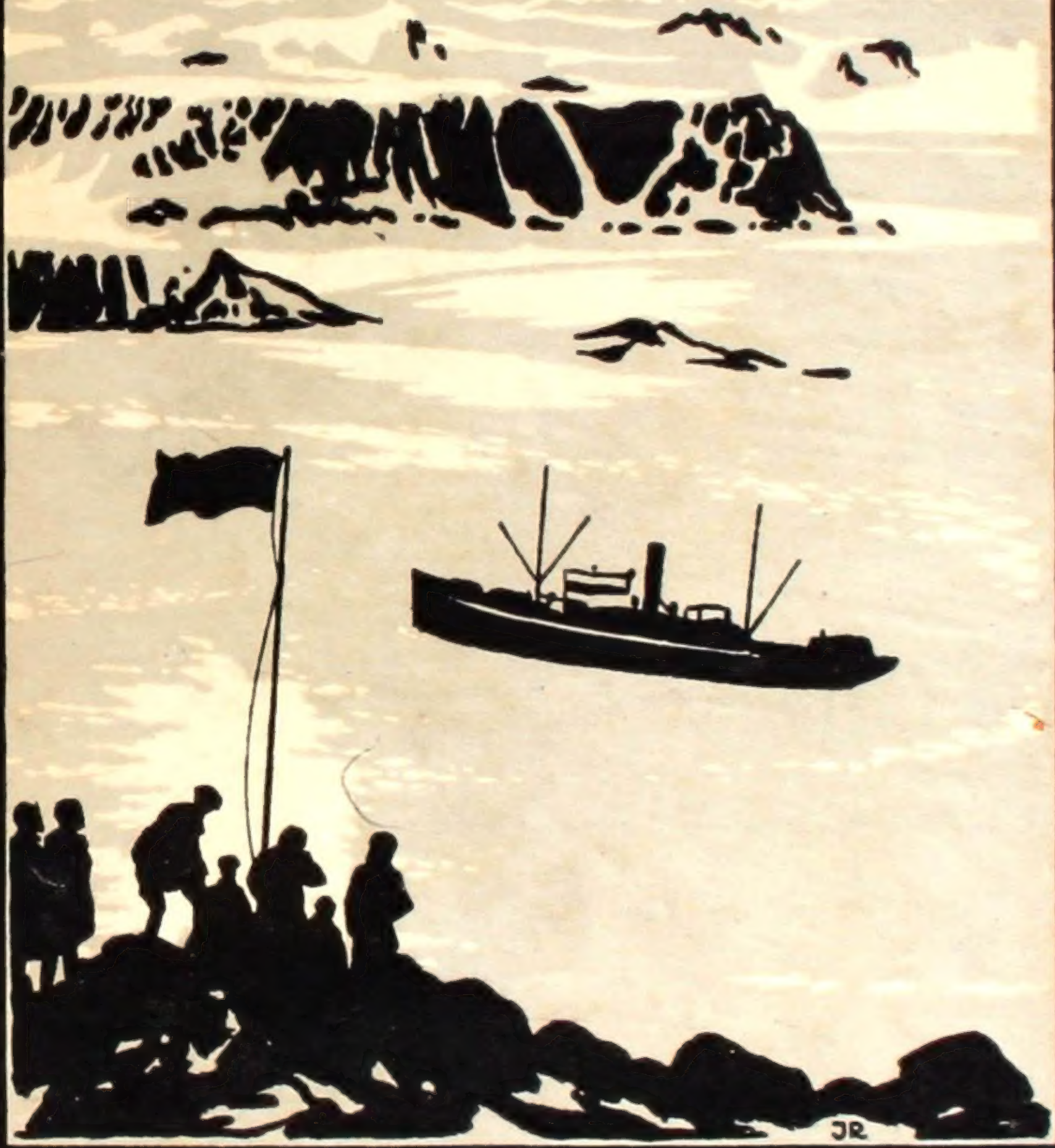
★ И. ЭКСЛЕР ★

У КРАЯ ЗЕМЛИ



И. ЭКСЛЕР

У КРАЯ ЗЕМЛИ

АРКТИЧЕСКИЙ ПОХОД
«СЕДОВА»

ПРЕДИСЛОВИЕ
О. Ю. ШМИДТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ“
МОСКВА
1 9 3 0

Обложка работы худ. Б. Титова

Типография
газеты „Правда".
Москва, Тверская, 48
Главлит № Д—59182.
Тираж 10 000 экз

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

368961

3193
30

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пафос строительства социализма зажег широчайшие массы. Вероятно по этой причине сейчас так популярны открытия, экспедиции, смелые и опасные исследования. Мы, участники экспедиции на Землю Франца-Иосифа, чувствовали во льдах непрерывную связь со всей страной, провожавшей наше продвижение по радиодонесениям с горячим вниманием.

Одним из орудий этой связи был товарищ И. Б. Экслер, журналист, представитель ТАСС при экспедиции, всеми нами любимый прекрасный товарищ тяжелых и радостных дней.

Книга тов. Экслера — субъективная книга. Она рисует впечатления человека, который близко и по-своему видел обстановку тяжелого ледового плавания, глубоко проникся энтузиазмом исследовательской работы, а главное — внимательно присмотрелся к людям, участникам ледового похода. Человек — наименее изученное явление, в особенности человек в окружении враждебной стихии.

В этой особенности — интерес книги т. Экслера. Нельзя требовать от этой небольшой книги подробного отчета о научной работе или анализа всего политического и экономического значения Земли Франца-Иосифа. В рассказе, в общем верном и правдивом, нет протокольной точности; быть может, даже автор не всегда правильно назвал пролетавшую птицу, но в рассказе есть очень ценное, это — любовное, проникновенное отношение к своеобразной и столь интересной психике героев Севера — капитана Воронина, зимовщиков, матросов.

Экспедиция 1929 г. закрепила за СССР принадлежащий ему архипелаг Франца-Иосифа в почти 40 000 кв. километров, построила самую северную в мире метеорологическую и радиостанцию, достигла рекордной северной широты (82° 14'), собрала богатый научный материал и выявила превосходные качества наших ледоколов, как орудий исследования. Выполнить эту задачу и трудные дальнейшие задачи наши исследователи могут, только опираясь на широкую моральную поддержку. В стране строящегося социализма эта поддержка ученым обеспечена.

Начальник экспедиции О. Шмидт

Январь 1930 г.

Так мы исполним завещанье
Великих предков. Шар земной
Мы полно примем в обладанье.

В. Брюсов.

КОГДА УХОДЯТ КОРАБЛИ...

Летний вечер бежал за северным поездом. Через болота, понурые еловые леса стлались тусклые рельсы, чтобы закачать нас на своих просторах, увезти к далеким архангельским землям. В купе вагона было душно, тесно. Огромные чемоданы, мохнатая полярная шуба, пакеты всех размеров,—все это говорило само за себя. Вооруженный новеньким фотоаппаратом, дорожной пишущей машинкой, мотаясь из стороны в сторону в грохочущем и вздрагивающем ровным вагонным дребезгом купе, я проносился над плоскими лесными пространствами, туда, в Архангельск, чтобы вместе с экспедицией «Седова» отправиться на Землю Франца-Иосифа...

Экспедиция «Седова»! Еще несколько дней и нам суждено отправиться на самую северную, самую близ-

кую к полюсу землю. Между 80 и 82 градусами северной широты, среди вечных грозных льдов, лежит эта неизвестная земля. Она лежит еще великой тайной, как неразрезанная страница мироздания. Пятьдесят семь лет тому назад там побывали австрийские ученые Вайпрехт и Пайер, открыв ее для мира. И после — лишь несколько раз человеческая нога вступала на этот крайний, неприступный уголок земли.

Поезд вел свой чугунный, однотонный разговор. Вагон мерно укачивал, но не мог никак забаюкать течения навязчивых мыслей. Арктика вставала своими старинными, коварными, стихийными образами. И невольно приходили в голову отрывки прочитанных книг, куски истории, трагический эпос полярных летописей...

Всякий, кто вступал на эту землю, терпел бедствие. Никто не победил полностью этих спящих в забытьи стихий, притаившихся за ледяными скалами снежных бурь, этих вечных, идущих, как космос, неуклонных льдов. Австрийское судно «Тегетгоф» было побеждено льдами и в 1873 году, отнесено к берегам неизвестной земли... Здесь у не ведомых никому берегов «Тегетгоф» пал жертвой сокрушительных льдов и был разбит. Вайпрехт и Пайер по льдам достигли материка, обследовали несколько островов, занесли их на карту и двинулись обратно, на юг.

Они были спасены русским помором Ворониным. С тех пор далекие острова, являющиеся «краем света», получили имя тогдашнего австрийского императора Франца-Иосифа.

Руководители экспедиции: В. Ю. Визе, О. Ю. Шмидт, Р. Л. Самойлович

Идея исследования этого крайнего северного сухопутного местонахождения принадлежала, однако, не австрийцам. Еще в 1869 году русские ученые Сидоров и Воейков выдвинули план экспедиции к северу и северо-востоку от Новой Земли. Русское географическое общество поручило разработку проекта знаменитому геологу и революционеру Кропоткину. И в своем докладе о возможности такой экспедиции Кропоткин пришел к выводу, что к северу, за Новой Землей должна быть неоткрытая еще часть материка. В этом его убедили геологические данные и изучение законов распространения и движения льдов. Между полюсом и Новой Землей, — говорил в своем докладе Кропоткин, — должна быть земля. Если бы там, к северу от Новой Земли, не было никакой преграды — огромные ледяные поля, ползущие с полюса, шли бы дальше к югу.

Царское правительство не дало денег на экспедицию. Но мыслью Кропоткина воспользовались австрийские видные ученые — Вайпрехт и Пайер, через два года, на общественные средства снарядившие экспедицию на север. В 1874 году Пайер пешком достиг 82° 50′ северной широты и составил приблизительную карту южной части архипелага.

Через двадцать пять лет, в 1899 году, итальянская экспедиции герцога Абруццкого на судне «Стелла Поляре» снова достигла Земли Франца-Иосифа и обследовала некоторые из ее островов. Три смельчака — Кверини, Стоккен и Ольер — одна из санных партий —

погибли. «Стелла Поляре», окруженная льдами, вынуждена была зимовать, терпя все связанные с этим бедствия, но зато санная партия во главе с Каньи добралась до 82° 04′ северной широты...

Вынужден был зимовать на берегах этой земли и англичанин Джексон и многие другие, осмелившиеся прорваться сквозь цепкие лапы льдов. Джексон обследовал острова архипелага в 1895—97 году. Он открыл много новых островов, не обнаруженных австрийцами, и дал им английские наименования. Нансен во время своего знаменитого санного путешествия, примерно в то же самое время, был на Земле Франца-Иосифа. В середине 1895 года он зимовал в маленькой хижине на одном из северных островов архипелага. В 1896 году на Кап-Флора Нансен встретился с Джексоном, запечатлев на часах мирового времени один из прекраснейших моментов полярной истории. Ученые лицом к лицу, среди льдов и базальтов, восполнили результаты своих исследований.

В 1898 году американский журналист Уэльман отправился на Землю Франца-Иосифа, желая достичь северного полюса по льдам. Вторая часть этой экспедиции, снаряженной на средства американского миллионера Циглера, под руководством Болдуина отправилась туда же и обследовала юго-восточные острова.

На обратном пути Болдуин встретился с экспедицией герцога Абруццкого, добравшейся к концу июля 1899 года до самого северного острова Земли Франца-Иосифа — Земли Рудольфа — по чистой воде. Экспе-

диция эта побывала на Теплиц-Бее, куда доходил и открывший землю австриец Пайер.

В 1901 году русский адмирал Макаров на ледоколе «Ермак» доходил до Кап-Флора. В 1903—1905 гг. на Землю Франца-Иосифа отправилась американская экспедиция Фиала, снаряженная тем же Циглером. Эта экспедиция два года зимовала в Теплиц-Бее, где потеряла во льдах свое судно «Америка». Наконец, пятнадцать лет назад — в 1914 году на Земле Франца-Иосифа, в пути к северному полюсу погиб лейтенант Георгий Яковлевич Седов, в честь которого назван наш ледокол.

Русские исследователи, таким образом, положили много труда и отдали не одну героическую жизнь на дело изучения самой крайней северной земли. Имя Земли Франца-Иосифа окутано смертной доблестью многих русских имен. В 1912 году к северу от архипелага погибла «Святая Анна» с экспедицией Брусилова. Часть экипажа со штурманом Альбановым во главе покинула дрейфовавшее к полюсу в сплошных льдах судно и пешком прошла вдоль западного берега Земли Александры. Все вышедшие на юг погибли. Только Альбанов с одним из матросов добрался до Кап-Флора, где и был подобран судном «Святой Фока». В 1914 году для поисков «Святой Анны» было снаряжено русское судно «Герта». «Анна» не была найдена, но спасательная экспедиция «Герты» водрузила русский флаг на острове Нордбрук, оставив там продовольственный склад.

И годы шли. В 1915 году судно «Андромеда» подошло на семьдесят миль к Земле Франца-Иосифа, но не смогло пробиться к архипелагу. После революции советским научным судам «Персею» и «Зарнице» удавалось несколько раз доходить почти до южной конечности архипелага. Но ни разу льды не позволили высадиться. Земля Франца-Иосифа попрежнему вставала в туманном контуре льдов — неведомой, непобежденной. И вот теперь, в 1929 году, по решению Советского правительства, на ледоколе, носящем имя неустрашимого лейтенанта Георгия Седова, отправляется экспедиция для окончательного завоевания недоступной земли.

Нам предстоит пробиться сквозь вечные льды, исследовать острова, провести ряд сложных научных работ и создать самое северное в мире поселение. На Земле Франца-Иосифа, окруженной грозной мировой стихией, мы должны оставить семерых смельчаков. Семерых — тех, что должны остаться одни, в бурях и мраке полярной ночи, тех — кому суждено или выйти первыми победителями, или разделить судьбу всех предыдущих...

Работа этих семи зимовщиков будет иметь мировое значение. С крайней точки земли, у самого полюса, откуда возникают ледяные течения и бури, несущие погоду всему земному шару, будут раздаваться их голоса. Они дадут нам возможность предсказывать погоду во всем Советском Союзе и Европе. Радио свяжет их с культурными центрами, даст возможность стране

следить за всеми, тайными до сих пор, действами природы.

До 1926 года Земля Франца-Иосифа никому не принадлежала. После декрета ЦИК СССР—земля эта стала нашей, советской землей. «Территорией СССР,— гласит декрет Советского правительства, — объявляются все, как открытые, так и могущие быть открыми в дальнейшем земли и острова, не составляющие к моменту опубликования этого постановления признанной правительством СССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом Океане, к северу от побережья СССР, до Северного полюса, в пределах между зоной СССР— т.-е. между меридианом 32 градуса 04 минуты 35 секунд восточной долготы от Гринвича, проходящей по восточной стороне Вайда-губы, и меридианом 168 градусов 49 минут 30 секунд западной долготы от Гринвича».

Экспедицию «Седова» снаряжала образованная при Союзном Совнаркоме правительственная Арктическая комиссия. «Седов» должен пройти до Земли Франца-Иосифа, высадить экипаж и построить там геофизическую обсерваторию и радиостанцию.

5 июня 1929 года норвежское телеграфное агентство сообщило, что в число полярных экспедиций, организуемых Норвегией в этом году, включена и экспедиция на Землю Франца-Иосифа. В законопроекте, внесенном в норвежский стортинг о расходах в связи с полярными экспедициями, правительство указывало, что

экспедиция предполагает провести на Земле Франца-Иосифа научные исследования. Норвежцы собирались построить на Земле Франца-Иосифа радиостанцию для передачи метеорологических наблюдений непосредственно на станцию в Тромсе. «Организация передачи этих наблюдений, — говорила телеграмма, — имеет огромное значение для международной метеорологической службы и, в особенности, для предсказания погоды в большей части северной Норвегии».

Телеграмма была встречена нашими учеными с удивлением. Изумлялись этому и мы, участники советской экспедиции на Землю Франца-Иосифа, зная, что никому не было известно об обращении Норвегии за разрешением для посылки экспедиции на землю, принадлежащую СССР.

Дальнейшие сведения о норвежской экспедиции были скудны. Семь дней спустя норвежское телеграфное агентство сообщило, что стортинг отпустил двадцать пять тысяч крон на научную экспедицию в восточную Гренландию и на Землю Франца-Иосифа.

Встретимся ли мы с норвежцами в глубине Арктики? Успеем ли мы дойти до обетованных грозных берегов раньше? На все эти вопросы нельзя было придумать ответа... Перед отъездом из Москвы я внимательно следил за газетами, пытаясь найти хотя бы намек о судьбах норвежской экспедиции. Снаряжение ее было окутано полной тайной. Было известно лишь одно, что у норвежцев не было ледокола; но, у них были зверобойные суда, на которых норвежские промышленники

совершают далекие и смелые плавания во льдах, терпеливо выжидая попутных ветров и, образующихся за ветрами, разводьев во льдах.

...В поездной качке прошли первые сутки, в окна сквозила и дула прохладная северная ночь. И, прибыв в Архангельск, я попал в самую горячку сборов. Вокруг «Седова», недвижно возвышавшегося в порту, кипела горячая суматоха работы. Вся экспедиция была уже в сборе. Из Москвы и Ленинграда прибыли: профессор Отто Юльевич Шмидт, начальник экспедиции и правительственный комиссар Земли Франца-Иосифа, его помощники — проф. Р. Л. Самойлович и проф. В. Ю. Визе (оба они возглавляли советские экспедиции на «Красине» и «Малыгине» по розыскам дирижабля «Италия» в 1928 году), зоолог Горбунов, географ Иванов, гидробиолог Лактионов, врач Белкин и корреспонденты газет — Весеньев, Громов, Экслер.

Здесь же в суматохе сборов и погрузки увидел я и тех, чьи смелые имена останутся жить в полярных летописях, — наших зимовщиков. Их фамилии нужно крепко запомнить нашей стране. Они —

Начальник поселения Илляшевич...
Метеролог Шашковский...
Радист Кренкель...
Доктор Георгиевский...
Механик Муров...
Служитель Алексин...
Повар Знахарев...

— проведут сотни дней и ночей, закинутые в пропасть пространств, лицом к лицу с Арктикой, несущей в своем ледяном дыхании смерть и гибель, в борьбе со слепыми стихиями, тоской одиночества.

Эти простые, мужественные люди работали, как и все, помогая грузить нескончаемый поток тюков, мешков, ящиков. Здесь же была артель архангельских плотников, едущих с нами для постройки трех зданий первого в истории Земли Франца-Иосифа поселения.

С неописуемым чувством подымался я в первый раз на ледокол и представился его капитану Владимиру Ивановичу Воронину. Он коротко, энергично пожал мне руку. Он — этот загорелый и стройный блондин, потомок помора Воронина, пятьдесят семь лет тому назад спасшего от гибели австрийцев, открывших Земли Франца-Иосифа. Он сын рыбака-тресколова, с восьми лет плавает в северных морях, знает хорошо, что такое льды...

Льды, — это звучит, как будто не страшно, обыденно, и капитан говорит ровным, спокойным голосом, и капитанская каюта уютна, гостеприимна, — ничто не говорит о том, что уже не раз за ее стенами ревела непроглядная ночная стихия и над черной, бездонной пропастью океана на борты корабля, скрипя и тяжко сокрушаясь, наползали текучие ледники полюса. Льды...

— Да-с... судно испытанное. И все же, вы понимаете сами, плаванье серьезное, трудное. Льды в этом году тяжелые, — и судно мы продержали целый месяц

Участники экспедиции и команда ледокола „Седов"

в доке. Что? Да, придется положиться на свой собственный нюх. Будем итти на риск. Опыт кое-какой у нас есть...

Капитан рассказывает:

— Да, да, так и пишите...

«Седов» построен в Англии, двадцать лет назад. До войны он плавал во льдах Канады, ходил из Англии в Канаду и назывался «Беотик». Во время империалистической войны он был продан России и работал в Белом море, через которое союзники снабжали царскую армию снарядами и снаряжением. Потом, переименованный в «Седова», ледокол участвовал в Карской экспедиции, проводя во льдах коммерческие суда.

368961

С 1926 года «Седов» в зимнее время, кроме того, ходит в Белое море за гренландским тюленем.

В 1928 году «Седов», находившийся на промысле, получил приказ участвовать в розысках остатков дирижабля «Италия». Ледокол добрался до самых берегов Земли Франца-Иосифа, капитан Воронин уже щупал извилистые берега Земли Александры и острова Виктории, но поиски его оказались тщетными: «Италия» исчезла. От Земли Франца-Иосифа «Седов» свободно дошел до восточного берега Новой Земли и Карскими воротами прошел в Баренцово море.

«Седов» хорошо приспособлен для борьбы со льдами: он имеет дюймовую стальную обшивку и специальный ледяной пояс, защищающий всю нижнюю часть корабля. В 1928 году вблизи острова Врангеля

ИНСТИТУТ

«Седов» попал в сплошное окружение льдов, сжимавших его со страшной силой. Ледокол кренило до десяти градусов, корпус его сжало стоящими на мели айсбергами, но он остался невредим. В этом году в Белом море ледокол вплотную прижало к нагромождению ледяных гор на мели Литке. Зюйд-вест нажимал на правый борт, левый борт стоял неподвижно у ледяных гор, наползающие льды залезли на палубу. Образовались торосы на 6 футов выше борта. «Седов» был весь засыпан льдами.

Льды! Они правят ледовитыми морскими путями. Ветер гонит их своими неведомыми течениями,—и всё зависит в конце концов от удачи: стихнет ветер, льды разожмут свои железные объятья, и судно, вспенивая темные, грузные волны, опять ползет в неприютную водную гладь...

Жизнь капитана Воронина окружена нагромождениями этих льдов. Мы выходим из его каюты. Жизнь грохочет на палубе, погрузка идет полным ходом. С одного борта пристань тяжело ворочает ящики и мешки с продовольствием, с другого лебедки, скрежеща цепями и канатами, подымают в воздух свинцовые тяжести машин, неуклюжие бревна, кипы досок, строительные материалы. Радист Кренкель и механик Муров суетятся по палубе с накладными в руках, тщательно проверяя каждый ящик. Если будет забыт хотя бы один винтик, самая северная в мире радиостанция не заработает!

Сквозь крики людей, громыханье и шипенье паровых лебедок, сквозь суету и грохот, в сутолоке корабельной жизни, я вижу старшего помощника капитана Юрия Константиновича Хлебникова, окруженного грузчиками, жестикулирующего, совсем сбившегося с ног. Он отдает распоряжения о распределении грузов. По его указаниям распределяют громоздкий багаж нашего трехлетнего продовольствия.

Худощавая фигура Хлебникова появляется то там, то здесь. Он еще молод, хотя имеет за плечами длинную арктическую биографию. Морской корпус в Ленинграде, плавание в роли простого матроса на «купцах», ледокольная карьера; в 1920 году он начал ее с должности штурмана на «Литке» и «С. Макарове»; в 1928 году он участвовал в поисковом рейсе «Седова». Одновременно он был и штурманом-навигатором бывшего в то время при ледоколе самолета.

... Погрузка идет полным ходом. Корабль охвачен последней прощальной тревогой. Его лебедки пыхтят и скрежещут совсем по-особенному, как бы понимая значительность этих последних дней. И земля уже словно уплывает из-под ног, прощается с нами. По-особенному стучат архангельские деревянные тротуары. Мы ходим по земле последний день.

Отто Юльевич — наш начальник — получает ежечасно все новые и новые телеграммы. Среди них много просьб взять с собой в экспедицию. Утром, улыбаясь, он показал мне телеграмму от счетовода какого-то сельского кооператива из Владимирской губернии. «Всю жизнь об этом мечтал», — говорят слова теле-

граммы. Но начальник неумолим: корабль мал, трудности огромны, каждый человек на учете и все лишнее только усложнит и без того сложную задачу... И телеграмма остается без ответа.

Город знает о нашем отъезде. Нас сразу узнают по кожаным, тяжелым костюмам, по высоким сапогам, нам позволяют вне очереди делать необходимые покупки в магазинах. И встречаясь с нами, нам улыбаются, оказывают всевозможные знаки внимания.

В одном из номеров Троицкой гостиницы — последнее «земное» совещание: завхозом экспедиции мы избираем нашего географа—Ивана Маркелыча Иванова, который уже имеет богатый опыт хозяйствования на «Красине»; мне поручаются вопросы радиосвязи с землей.

Кто знает, может там, на Земле Франца-Иосифа, «Седов» потеряет связь с далеким материком? Не следует ли позаботиться об усилении радиостанций на Новой Земле и Мурманском побережьи? В этом заинтересованы были и мы — корреспонденты газет, назначение которых состояло главным образом в передаче вестей по радио. Беспокоился об этом и радист Гиршевич.

Последние часы. Не успели мы разместиться по своим каютам, как началось паломничество на ледокол. Приехали туристы из Москвы, весело загалдели на палубе архангельские школьники и пионеры. Наконец, появился в допотопном, длинном пальто агент Госстраха. Начались обычные речи, разговоры, любопытные взгляды. Агент настойчиво стучался в двери наших кают.

И только наш капитан, в мягкой шляпе и штатском костюме, невозмутимо распоряжался, прогуливаясь на берегу, заполненном любопытными.

ЗА ГРАНЬ ПОЛЯРНОГО КРУГА

Была ночь 21 июля 1929 года. Вся архангельская набережная галдела народом. На стенке уже давно нехватало мест. Корабль едва дымил, грохот погрузки сменился отчетливой тишиной. Были минуты расставанья.

На портовых кранах висели живые гирлянды из людей. С крыш нам махали белые платки. Ледокол был уже готов отправиться в далекий путь. Звуки оркестров смешивались с гулом толпы, с нервным лаем полярных собак. Они расположены прямо на палубе.

Вот падают последние прощальные слова, убирается трап, медленно отходят с берегом звуки «Интернационала», и «Седов», клокоча винтом и выбрасывая полосу дыма, выходит на рейд. За ним тянутся сотни парусных лодок, яхт, моторных ботов. Небольшие пароходики с музыкой провожают нас до Белого моря.

Прощай, земля! Архангельск, последние темно-зеленые ели берегов, низкие, туманные очертания родных почв... Не хотелось уходить со спардека. Долго с бинок-

клями в руках отыскивали мы чуть сереющие контуры пропадающих следов земли. «Седов», дымя, содрогаясь машинами, поднимая зелено-белый кипень воды уходил все дальше, дальше.

В первый день плавания мы пересекли полярный круг. Необозримые водяные равнины тускло мерцали кругом. Проф. Самойлович поднял тост за нашего капитана, за славных северных поморов, за счастье в плаваньи, за тех, кто впервые пересекает полярный круг. Это относилось к нам, корреспондентам и кинооператору Новицкому.

Ночью мы прошли Три Острова, горло Белого моря. Ворота к океану были открыты. Берег был наглухо завешен непроницаемой мглой. На море ходила, плескалась, показывала белые, сердитые гребни крупная зыбь. Ветер завывал на палубе, играя снастями, дул соленой, ненастной сыростью. На корабле шла последняя подготовительная работа: закрывались брезентами трюмы, крепился палубный груз, к вантам подвешивалось мясо, которое здесь, на океанском ветру не испортится долго.

Утро вышло румяным и ясным. Океан был уже близок, его дыханье уже доносилось на корабль. На верхнем мостике установили треногу для огромного сорокакратного капитанского бинокля. Навалил густой, удушливый туман, ветер рвал его на куски, и тогда холодное, желтое солнце показывалось в небе.

Через день Ледовитый океан заблистал своей студеной, необъятной гладью. Кругом были ровные, пода-

вляющие все, и глаз, и движение, и полет птицы, оцепенелые, чернильные воды. Ледокол шел по ним почти без шума, надвигаясь в равнодушную глубину.

Наш курс был на норд, прямо на норд. Кругом была пустыня, совершенное безмолвие. Нам уже не встречались немецкие и норвежские лесовозы и тральщики, идущие за лесом и рыбой к советским берегам. Ни дыма, ни встречного салюта — кругом было великое арктическое одиночество.

Начались полярные будни. С выходом в океан на «Седове» развернулась научная работа. Гидрохимическая и гидробиологическая лаборатории приступили к определению температуры океанской воды. Особым прибором, носящим имя Цеппелина, ловили мы простейших животных моря—инфузорий и ракообразных. Владимир Юльевич Визе начал свои сложные метеорологические наблюдения. Астроном и географ Иванов принимал по радио густые металлические сигналы времени обсерваторий Науэна и Бордо. Вскрывались большие ящики с приборами и посудой. Много пришлось поработать нам в трюмах, приводя в порядок все полярные запасы и снаряжение. Усталые и измученные завалились мы спать по своим каютам. Корабль шел на север, неуклонно разрезывая тяжелую, сальную воду.

Глухой полночью я проснулся от страшной качки. Океан грохотал за стеной. Каюта, вся залитая водой, поднималась и опускалась, корабль скрипел, к горлу подкатывались мутные судороги. «Правда Севера»,

Немецкая овчарка — участница экспедиции

представительствуемая за полярным кругом пылким одесситом Весеньевым, проснулась в эту ночь на полу, в морской воде, рядом со своей койкой. Я и корреспондент «Известий» Громов тоже были захвачены врасплох. Корабль то поднимало вверх, то безнадежно, с грохотом и стоном, бросало вниз. Мы бродили по коридору взад и вперед бледными привидениями. Волны заливали каюты твиндека. Океан сумрачно грохотал своими пропастями, окатывая палубу ледяными вихрями, угрожая смыть наших палубных пассажиров: семь коров, лошадь и собак, расположенных прямо под открытым небом. Там было ужасно, небо и вода бушевали, окатывая друг друга потоками ветра и воды.

Собак пришлось разобрать по каютам. На нашу долю прищелся черный, безгранично преданный Юшар. Он, как и все остальные умные полярные лайки, проявил изумительную тонкость чувств в признательности за спасение. Рабски следя за каждым моим движением, предугадывая каждое мое желание, он поднимался со своего места, лишь я входил в каюту.

Я скоро обменял Юшара на своенравного, тоже черного, как смоль, дерзкого и пылкого пса Мишку. Это было бесцеремонное, непосредственное существо. Возвращаясь с палубы, после обычных драк (самое любимое развлечение полярных собак), окровавленный и продрогший от резкого норда, он прыгал на мою постель и уютно устраивался под одеялом, оставляя на простынях следы своих грязных лап.

Прошла ночь. Шторм бушевал целый день. Океан

катал свои седые, пенные волны до самого вечера. Затем все стихло, температура воды повысилась до 3,8 градусов тепла. «Седов» вошел в теплые потоки Гольфштрема. Густая зелень полярной воды разбавилась синеватой теплынью Атлантического океана, принесенной от тропических берегов. Мы прощались с синими, ласковыми водами, последними вестниками тепла на нашем пути в северные Мединь.

Не хотелось уходить с палубы в залитые водой, неприютные каюты. Океан, бледноизумрудный, покрывался зыбью. Ветер снова крепчал, но мы уже чувствовали себя крепче. Это — не шутка! Мы перенесли шторм в океане силою в девять баллов. Доктор Белкин побледневший и заросший бородой, сидит в кают-компании и, откидываясь на диван, повторяет с неподдельным ужасом:

— Девять! Де-вять баллов! А! Это — вам не фунт изюму.

Отто Юльевич шутливо его успокаивает:

— Ничего, доктор. Сущие пустяки. Вот — на обратном пути — другое дело. Когда пойдем без груза, будет качать уже по-настоящему...

Доктор возмущается:

— Так это что... еще не настоящее? Чорт знает!..

Наши моряки хитро молчат, погруженные в свои тарелки. Улыбается один капитан. Он поддерживает Отто Юльевича:

— Настоящее, доктор, еще будет... Впрочем, вы сами убедитесь...

Моряки едят с аппетитом, как всегда много, и только мы копаемся в своих тарелках, как будто перенесенные в далекое детство. После обеда расползаемся по каютам отлеживаться от морской качки. Дремлется. Сумрачный зеленый свет сеют иллюминаторы, заливаемые волнами. В каютах бродит пасмурная мгла. На корабле отсчитывает удары машины совсем прозрачная тишина.

Бодрствуют только два человека. Зоолог Горбунов и гидролог Лактионов не знают перерыва в своих научных занятиях. Мы называем их «Вайпрехтом и Пайером», именами пионеров Земли Франца-Иосифа. Неизменно возятся они у своих приборов, не прекращая работы даже и во время шторма. Их научные вахты не знают отдыха. Воздух, море, пролетающие птицы,—все задерживает их страстное внимание. Сейчас они заняты своими бутылками. Они заливают их у дна известью, опускают под тяжелое стекло записки на русском и английском языках и бросают в волны. Эти должны повиноваться не случайным ветрам, а морским течениям. Кто-нибудь встретит их далеко от севера, быть может, в теплых, пылающих песками и солнцем странах. Если он отобьет крепкое горлышко, он найдет почтовую открытку:

Эта бутылка брошена с целью изучения морских течений Нашедшего ее просят сообщить об этом Институту по изучению севера — Ленинград, указав место и время находки.

Бутылки, всплеснувшись, исчезают в проплывающей, мутной воде. До свиданья в Ленинграде!

ПОД «ЛЕДЯНЫМ НЕБОМ»

Семьдесят седьмая параллель. Арктика закутана в холодный туман. Мы ожидаем первых ледяных гостей. Скоро льды. И — утром, когда туман чуть разнесло, когда мерцание воды и пустынные миражи неба стали яснее, мы увидели первый айсберг. Он вышел из бледного сиянья тумана сизой горой зловещей ледяной темноты. Мачты нашего «Седова» оказались ниже его вершины. Величавым мраком прошли его нависшие стены, затемнив половину нашей палубы.

Вскоре появился второй. Он казался совсем небольшим и невысоким, края его едва поднимались над водой. С шуршаньем налетали на него волны ледокола, и вдруг, когда «Седов» поровнялся с его серединой, мы увидели, как ослепительно омытый лед его вылез из темной воды, айсберг нырнул и, поднимая на своих глянцевых замороженных боках потоки брызг, бултыхая синими волнами, стал переворачиваться и лезть вверх... Он выползал зубчатым хребтом, поднимаясь все выше и выше, заслоняя свет, пока, наконец, на вол-

Первые льды

нах не успокоилась вся его подводная, остеклянившаяся громада.

Скоро льды. Мы толпимся на спардеке, уже одетые по-зимнему. Вода попрежнему галлюцинирует своими зелеными и черными глубинами, туманом и небом. Ничего не видно впереди. Наш «ледовитый» профессор В. Ю. Визе не выпускает из рук бинокля, всматриваясь в подернутую заволокой полярную синеву. Скоро льды.

— Хорошо, хорошо! — говорит Визе: — это прекрасно! Чем дальше от нас лед, тем меньше нам придется воевать... В 1881 году шотландец Лей Смит дошел до Земли Франца-Иосифа чистой водой. Чем мы хуже его...

В самом деле, чем мы хуже Лей Смита. Но льды говорят сами за себя. Старые, матерые полярники скоро бросили первую весть:

— Льды!

На самом краю горизонта появилась узкая белая полоска. Это — отражение ледяных глыб. И вот, вскоре после сытного ужина, когда так не хочется покидать уютную кают-компанию, Владимир Юльевич, отряхивая снег с шапки, отворил дверь и крикнул бодро и радостно:

— Лед идет!

Мы бросились на палубу. У горизонта висело «ледяное небо». С капитанского мостика, в мощный сорокакратный бинокль, увидел я наползающую на нас причудливо изломанную махровую кромку ледяных масс. Это торосы придают льдам такие фантастические кон-

туры. Лед шел серебристой, узкой ниткой, опоясывая упавший в воду туманный небосвод. «Седов» оставлял за собой упругие сальные волны, огромным треугольников расходившиеся сзади. Лед приближался, и через полчаса мы услышали стук и скрежет отдельных льдин, царапавших борты ледокола.

Пока что, это отдельные льдины. Но они стали попадаться все чаще и чаще, порою они уже стали сплываться в большие острова, в целые поля, и тогда ледокол, выбирая чистые разводья, ища свободные пути, стал уходить—то вправо, то влево. По руслам свободных разводьев мы идем полным ходом, убавляя его лишь у перемычек старого, тяжелого льда. Весенние льды хрупки и тленны. В трещинах и разводьях, там, где нет снежной корки, они сквозят усталой, безвольной синевой. Старый лед, имеющий стаж не менее года, совсем другой. Обнаженные его края ярко-лазурны, облиты голубым фаянсом, зеленой глянцевой майоликой. Иногда они играют прекрасным, драгоценным блеском, рассыпаясь снопами феерических бликов и сияний. «Настоящих» льдов еще не видно. Наш капитан был бы совсем весел, если бы не постоянный туман, не позволяющий видеть носа корабля. Густая, непроницаемая его пелена сыро висит в воздухе, закрывая весь мир. Даже в капитанский сверх-бинокль невозможно разглядеть морскую даль, сразу же за кораблем пропадающую смутной, белесой ночью.

Для «Седова», который по существу не является ледоколом, а есть только ледокольный пароход, по

своим размерам в пять раз меньший, чем, например, ледокол «Красин», подобное плавание грозит бедствиями. Для нас искусство кораблевождения заключается не столько в том, чтобы форсировать, т.-е. колоть лед, сколько в том, чтобы искать свободных проходов. И поэтому, не видя горизонта, имея перед собою лишь загадочную пелену тумана, нам не трудно забраться в такие ледяные пущи, из которых не всегда можно вернуться.

25 июля «Седов» попал в сжатие льдов. Железными тисками охватили они корпус ледокола, скрежеща и грохоча стали наползать на палубу, и казалось, никакая сила не сможет освободить нас из этой мертвой хватки. Ледокол остановился и застыл. Мы были на льдине. Раздалась команда. Матросы с ломами и пешнями бросились окалывать льдины, разбрызгивая ледяные брызги. Время приостановилось. Застигнутый летаргией корабль судорожно ворочал машинами, кряхтя и охая выбрасывал из-под кормы бугристую воду, грузно наседая на подводные невидимые льды. Наконец, поддаваясь напору машин, льдина, сотрясая и сваливая корпус ледокола, стала медленно уходить назад. Еще мгновение, — и мы пробиваемся вперед, к нагим, холодными разводьям и шурша, гибельным грохотом и звоном, входим опять в сплошной, непроходимый лед.

Начинается прежняя история. За целую вахту, — четыре часа непрерывных усилий, — мы пробились всего лишь на корпус. Берем льдины с приступа, раз-

гоняясь на чистых местах и впарываясь в ледяную массу. Опять вползаем на неприступную подводную махину, опять застываем осевшей грузной тяжестью корабля и не можем двинуться. Лед надвигается сплошной массой. Льдины громоздятся друг на друга, насе-дают на борты, поднимаются к палубе, грозят раздавить закостеневший, зажатый корабль, беспо-мощно вращающий свой винт, поднимающий в воде кипящие, стремительные потоки. Снова толчок, мягкое, податливое движение, снов толчок и новый удар. И— так без конца.

К туману присоединился снег. Нескончаемые снеж-ные волокна падают с мерным шорохом, несмотря на 26 июля — разгар лета на материке Все покрылось пухлой белой пеленой: палуба, бочки, коровы, наши верные полярные собаки. Кругом—ни зги. Беспросвет-ная крутящаяся мгла закрыла все очертания. «Седов» стал в ожидании ясного часа.

Стал — это значит очень многое. Когда корабль в ходу — веселее и разнообразнее текут дни. Весело спится под протяжные, царапающие звуки льдин, спо-койно просыпаешься, слыша знакомые стоны, и прямо прыгаешь к иллюминатору, чтобы сразу разглядеть идущие отовсюду, заслоняющие воду и горизонт, маня-щие причудливыми кристаллами и загадочными изло-мами ледяные торосы.

Когда ледокол в движении, как зачарованный стоишь целыми часами, наблюдая с бака потрясающую борьбу корабля со льдами. Вот — весь его корпус медленно

„Седов" дрейфует во „ледяном плене"

взбирается на льдину, оседающую и заливаемую лазурными шквалами. Раздается глухой трест и журчание воды, врывающейся зелеными потоками через зияющие щели проломов и заливающей белоснежную поными морозами ледяная броня; ледокол с полного хода верхность льдины. Еще удар: новая, закаленная полярврезается в ее хрустящее, разламывающееся мясо и останавливается.

Вахтенный штурман рвет ручку машинного телеграфа:

— Полный ход назад!

Ледокол медленно сползает назад. Стремительно поворачивается по команде винт, корабль устремляется вперед, влезает на льдину почти до половины корпуса и застывает в таком положении на две, три секунды. Секунды висят в воздухе мучительным напряжением и обрываются оглушительным плеском и грохотом. Нос корабля ухает в воду, льдина разламывается, и это падение, этот провал вниз так неожиданны и стремительны, что не подготовившись трудно устоять на месте.

От самой кромки льда нас сопровождает стая плачущих чаек. Молнией падают они на разламывающиеся льдины, на которые давлением воды выбрасывает мелкую навагу. Эта рыба живет и кормится под самым льдом. Когда «Седов» брал приступом ледяные массы, птицы следовали за нами не отставая. Стоило кораблю обрести чистые воды, как птицы рассаживались и отдыхали на торосах. Так продолжалось бесконечно.

«Седов» стал. Туман и пурга занавесили даль. Люди стали сумрачными, ленивыми и желчными. Единственное наше развлечение—вылазки на лед фотографов и кинооператора. Обычно спускались на лед, всячески осторожничая и замирая на его поверхности, представляющей еще очень не толстую корку. Но это только внешняя видимость, на самом деле лед крепко спаян и может вынести много народу. Наш ворчливый, вечно недовольный кинооператор Новицкий устраивал киноателье на первой льдине. Проваливаясь в сугробах чистейшего снега, мы уходили дальше, — и наконец, «Седов» становился совсем мизерным и тщедушным, беспомощным среди мощных нагромождений ледяного первозданного хаоса.

От прежней осторожности уже не осталось и следа. Все неожиданно смелели и без багров прыгали через широкие щели и разводья, густо черневшие водами океана, без опасений стали переходить зеленовато-прозрачные ледяные лужи, ничем не отличающиеся от затянутых первой коркой полыней. Бродили по снегам и льдам, до устали глотали ключевой, полярный воздух, чтобы после вернуться в кают-компанию, где яркий свет, тепло, шутки нашего капитана и его бесконечные увлекательные рассказы. Это — началось после первой же вылазки на лед. В этот день никто еще не подозревал о грядущих происшествиях, которые готовила нам Арктика. Было шумно, весело. Кают-компания сделалась для всех клубом, местом отдыха и развлечений.

Молчаливым председателем этого клуба был Отто Юльевич, но первая роль в нем по справедливости принадлежала нашему капитану. Его поморские рассказы слушались с жадностью и не у одного меня крепко запали на всю жизнь. Очень уж прямодушен и суров был эпос этого поморья, с его парусными путешествиями по Мурману, к берегам северной Норвегии. Слова капитана перелистывали страницы тяжелой, полной лишений и опасностей жизни северного моряка.

Море для них то, что для нас—земля. Весною уходят они на своих судах на промысел и возвращаются поздней осенью. Им некогда отдыхать, некогда отдавать себя сетям личной жизни. Многие из поморов не умеют плавать, не находя времени для купанья. На все лето замирает жизнь поморского селенья: дома остаются одни старики и женщины, детей забирают в море уже с восьми лет. И все лето ненасытно, тревожно ожидают поморки осенних, поздних парусов: не случилось ли какого несчастья, не отняло ли море ненаглядного сына, сурового мужа, ласкового жениха. Так идут эти дни, обвеваемые морским дыханием.

Владимир Иванович рассказывал всегда за узким концом обеденного стола, в кресле, наглухо привинченном к полу кают-компании. Слева от него обычно мрачнел своей угрюмостью, неподвижностью и небритостью второй штурман Падорин, тоже помор, воспитанный с самого детства морем. Судьба жестоко посмеялась над его отвагой. В один из туманных, обманчивых и неверных океанских дней он, будучи капита-

ном парохода, посадил его на мель. Корабль был в величайшей опасности, и для спасения судна пришлось бросать груз за борт. Но было уже поздно и ничто не спасло корабля от гибели, а его водителя от суровой ответственности.

Кают-компания не всегда жила мирно и спокойно. Двадцать молодых и здоровых людей, обреченных на полярное бездействие, находившихся в постоянном нервном напряжении, не могли, конечно, быть ангелами. Подчас из-за какого-нибудь пустяка поднимались ожесточенные споры. И тогда Отто Юльевич умело вмешивался в разгоравшиеся дискуссии и не давал им принимать острые, личные формы. Особенно хорошо умел он увещевать наиболее горячих и пылких, готовых иногда посмеяться и подтрунить над товарищами. Он вмешивался в душевную жизнь кают-компании с искусством хорошего штурмана и всегда выводил неповоротливое судно наших споров на ясную воду товарищеского понимания. Кроме всего этого, он был отличным пропагандистом своих вкусов и симпатий. Именно он, например, положил начало всеобщей «бородатости». От его пышной, большой бороды пошли бороды остальных, и скоро все бритвы оказались заброшенными на дно чемоданов. Все население «Седова» возмужало сразу лет на пятнадцать.

Мы идем медленно, но неуклонно преодолевая льды и часто видим на горизонте желто белых медведей. Звери смотрят на нас, поднимая свои длинные пасти,

в бинокль отлично видно, как они следят за проходящим кораблем. Нам некогда и мы не можем остановиться ради охоты. «Седов» дымит, однообразно разбрасывает густую, неуютную жижу, лежащую под нами тяжелыми, свинцовыми сумерками. Мы идем все дальше и дальше.

28 июля мы снова вошли в тяжелые льды. Стоим. Мокрый снег крупными хлопьями ложится на море. Однообразная, зачарованная какой-то мировой обреченностью картина. Снег идет без конца. Команда грузит уголь из запасных угольных ям. В эти дни весь корабль покрывается густой угольной пылью. Эта пыль, — кардифский уголь особенно много и жирно пылит, — проникает всюду. Каюты, постели, все наши вещи покрылись серым, неотступным ни от чего налетом. Угольная пыль проникает даже в кают-компанию, к величайшей скорби нашего буфетчика. Эти дни, полные грязи и пыли, как бы вычеркиваются из жизни нашего аккуратного Василия Ивановича, с ужасом оглядывающего почерневшую скатерть обеденного стола.

Полярным вечером, ничем не отличающимся от полярного дня, в тумане, мелькающем мохнатыми хлопьями снега, забывшись, можно представить себя в Москве, зимним сумеречным вечером, когда спины у прохожих и извозчиков так же белы от налипшего снега, как бушлат старшего штурмана Хлебникова. Зябко и сумрачно. Снег летит, вечер бесконечен, и не

московская седая мгла сеется с неба. Но в уши лезет мерное, пробивающееся сквозь мглу и снега дыхание машины, с палубы доносится резкий вой заболевшей собаки, из кают-компании иногда слышен смех. Это— не зимний вечер в Москве, это—июльский день в Арктике, между Шпицбергеном и Новой Землей. Вахтенный штурман тщетно пытается разглядеть в туманном море; он идет в карточную рубку и, кладя лотки на цветную, пятнистую карту, говорит, обращаясь в пространство:

— Осталось сто тридцать миль!

И—опять вой собаки, шорох снега, туман воспоминаний, уханье и выдохи машинного отделения. «Седов» уходит в ночь, оставляя сзади летние дни.

ОХОТА НА МЕДВЕДЕЙ АРКТИКИ

Эти же дни принесли нам первого медведя. Едва мы вошли в хрустящую, густую кромку льдов, он показался у тороса, на просторной льдине, низко опустив голову и что-то обнюхивая. Корабль шел рядом, раздвигая огромные льдины, проносясь мимо ледяных гор и покачивая гладь темной студеной воды. Медведь показался мне совсем желтым, настолько желтым, что издали его можно было принять за коричневого. Он не испугался никогда не виданного ледокола, скользившего мимо него среди льдин. Вечно странствуя по льдам, проносящим его мимо неподвижных айсбергов и берегов, он, вероятно, привык к таким подвижным панорамам.

Медведь продолжал спокойно обнюхивать снег. Ледокол не возбудил у него никаких подозрений. Однако, когда мы забегали по палубе, доставая винтовки, когда поднялась нервная охотничья суматоха, зверь привстал, повернулся и быстро исчез в тумане. Перед нами были прежние пустые, вечно молчаливые льдины.

Скоро нам встретился второй. Не обращая внимания на корабль, он медленно, не оборачиваясь, шел вперед, повернув по льдине прямо наперерез ледоколу. В двадцати шагах кто-то из матросов, находившихся на баке, выстрелил, но промахнулся. Медведь стремительно бросился назад, мотая своим длинным туловищем, перекинулся через льдину, но в это мгновенье пуля Юрия Хлебникова заставила его дрогнуть, повалиться набок и судорожно, загребая лапами снег, вытянуться. Он застыл на льду огромным желтогрязным ворохом пушистого меха.

Матросы мигом спустились по шторм-трапу, протащили канат, быстро продели его под туловище зверя и замахали рукой...

Лебедка неуклюже протащила огромную звериную тушу по снегу, подняла ее высоко на воздух и через секунду распластала ее на палубе.

Наши фотографы запечатлели первую добычу. Хлебников, с явно довольным и счастливым лицом, уже возился возле своего трофея. Острым, как бритва, кинжалом он полоснул вдоль мягкой, податливой шкуры. Скоро под белым лезвием обнажился желтый жир паха, могучая мускулатура, уложенная связками темного, с серебристыми пленками, мяса. Черная, густая кровь потекла на палубу, собирая вокруг все наше собачье население. Учуяв добычу, лайки жадно толпились вокруг, нервно взвизгивая и путаясь у нас в ногах. Появился зоолог Горбунов со скальпелем и произвел настоящее анатомическое вскрытие, демонстрируя пе-

Подъем на ледокол убитого медведя

ред свободными от вахты кочегарами то сердце, то легкие медведя. Охота закончилась.

На другой день, во время обеда, у самого ледокола появилась медведица с медвеженком. Она шла, часто останавливаясь и обнюхивая воздух, медвеженок беззаботно повторял за ней все движения, как будто недовольный осторожностью и медлительностью своей матери.

Мы замерли с винтовками в руках, ожидая сигнала Отто Юльевича. Медведица уже заметила людей и встала на задние лапы. Несущиеся с ледокола и приятные ее обонянию запахи заставили ее жадно принюхиваться и подвигаться вперед. Чтобы заснять зверей, Отто Юльевич приказал не стрелять и подпустить медведей к самому борту. Черные острые мушки винтовок напряженно бродили по косматым контурам медведицы, и вдруг чья-то азартная рука не выдержала. Оглушительным хлыстом стеганул воздух винтовочный выстрел. За ним тотчас последовал другой, третий... Медведица быстро повернула, рыча и огрызаясь, мотнула мордой в сторону ледокола и, толкая медвеженка, кинулась назад. Потом она стала на колени и медленно, словно нехотя, прилегла на лед.

Полтора часа люди и собаки, прыгая через льдины, гонялись за медвеженком, пытаясь взять его живьем. Перепуганный зверь уже не подходил близко, заливаясь отчаянным ревом и бегая вокруг ледокола. Мы не могли терять много времени и вскоре ушли вперед, оставив навсегда осиротевшего медвеженка. Он остался

в ледяной пустыне, и, выглядывая из-за тороса, долго ревел вслед уходящему ледоколу.

Кругом лежали огромные белые поля, бескрайные ледяные степи. Мы уходили с каждым днем все севернее, и с каждым часом продвигаться становилось все труднее. Разводьев становилось меньше и меньше. «Седову» приходится раскалывать уже тяжелые, многолетние льды. Медведей становилось все больше и больше. Но сплошные льды заставляли задумываться о дальнейшей судьбе нашей экспедиции. На капитанском мостике состоялось совещание о путях будущего плаванья. За вечерним чаем мы узнали, что Шмидт, Визе и Самойлович, совместно с Владимиром Ивановичем, решили повернуть назад, чтобы затем пойти на восток. Они думали, что восточные ветры разредили подход к Земле Франца-Иосифа с востока и у нас есть надежда подойти именно с этой стороны.

Наступили дни тяжелого отступления перед равнодушной полярной стихией. Медленно отступали мы перед Арктикой, отдавая ей мили, завоеванные с таким трудом. Наш капитан был спокоен и уверен в успехе, но мы—остальные, не могли отделаться от назойливой мысли: «мы отступаем назад». И что, если нам придется возвратиться назад в Архангельск, так тепло провожавший нас на Землю Франца-Иосифа?

На корабле воцарилась осторожная, сосредоточенная тишина. Радисты внимательно следили за эфиром, стараясь поймать хоть какой-либо намек о судьбах норвежской экспедиции. Но в эфире было тихо, только

где-то пищали рыболовные тральщики да какие-то «иностранцы», шедшие у берегов Мурмана. Сегодня Гиршевич услышал почти рядом с нами позывные норвежского судна, затертого, как и мы, во льдах. Радио с этого судна было адресовано в Громсе и в нем сообщалось о необходимости приготовить несколько номеров в отеле; люди отсюда, из ледяных дебрей Арктики, заботились об уютном комфорте в норвежских гостиницах. Второе радио, перехваченное нами с этого судна, сообщало, что какой-то Вильямс или Гарри убил трех медведей. Радиограммы передавались на английском языке—вероятно, это были бродяжие, всюду проникающие американские туристы, но все же мы сомневались. Ночью радисту Гиршевичу удалось связаться с радистом этого норвежского судна. Промышляем во льдах —был его ответ. Судно было зафрахтовано богатыми туристами, пожелавшими изведать Арктику и охоту на белых медведей...

Однажды утром Владимир Юльевич Визе улыбаясь сообщил нам, что положение изменилось к лучшему, что мы уже идем в северо-восточном направлении. Льды, правда, и здесь были тяжелые, но таких бескрайных ледяных полей, какие мы встречали на западе, мы уже не видели.

Стало веселее. Владимир Иванович встречал всех поднимавшихся к нему на капитанский мостик с широкой, улыбкой.

— Теперь дойдем! Еще неделя, другая—и дойдем!

Ледокол быстро и уверенно продвигался вперед, наверстывая потерянное время. Мы опасались только ветров и неизбежных с ними ледяных объятий. Ждать можно было и прочих, обычных здесь, сюрпризов, однако дни шли, убегая за кормой «Седова» пенистыми, разбегающимися валами.

Молодой, веселый штурман Ушаков кричал нам с мостика:

— Идем — на норд. Осталось восемьдесят миль!

Широта 79 градусов. Несмотря на крупный лед, покрытый торосами, мы быстро уходим к северу. Где-то уже близко земля. Сидим целыми часами за картами — по нашим подсчетам до Кап-Флора — не более шестидесяти миль. Капитан целыми днями не сходит с мостика, всматриваясь в горизонт и диктуя вахтенному штурману свои стратегические ходы. Он искусно лавирует между льдами. Корабль то входит в узкие каналы, то внедряется в какие-то извилистые щели, выбираясь из запутанных ледяных лабиринтов и неизменно выходя к новым разводьям и водяным коридорам. Так идет сложная, горячая борьба за каждый новый поворот винта, за каждую пядь пространств, которые мы завоевываем у Арктики. Были полные предчувствий, неясности и волнения часы. На ледоколе все ходили точно на цыпочках. Неожиданно в это затишье и напряжение ворвался возбужденный голос гидролога Лактионова. Он выбежал на палубу без шапки, спутанные его волосы хватал океанский ветер, голубые глаза его были глянцевы от волнения,

— Темпе-ра-тура... тем-пе-ра-тура... По-вышается! Слышите! Температура воды...

— Значит земля близко!—донесся с вышки спокойный голос Визе.—Это не плохо.

Его поддержал Отто Юльевич, спокойно подставляющий ветру свою пышную шелковистую бороду, крепко засовывая руки в карманы:

— Очень хорошо. Отлично.

Льды проплывали мимо равнодушные, загадочные. Земля! Можно ли представить магичность этого обыденнейшего, старого слова? Дул ветер, океан наносил в лицо свой жесткий, соленый запах и холод. Земля, теплая, родная земля! Где она среди этих безбрежных, равнодушных, проклятых всем миром льдов?

Ревизор — второй помощник капитана — ведающий хозяйством «Седова», Федор Васильевич Падорин уже получил приказание приготовить все необходимое для высадки на берег и разгрузки корабля. Вылезли до сих пор редко появлявшиеся на палубе плотники и стали не по-морскому медлительно ворочать карбасы, готовясь к починкам. Все ждали. Все заглядывались в однообразную даль, ища намеков того, что должно было всех приблизить к заветной цели...

Черный дым стлался из трубы ледокола. Кругом по-прежнему шла зеленая и сумрачная вода, шли льды, льды, льды—без конца.

ГДЕ МОЛЧАТ АЙСБЕРГИ

— Земля! З е м л я!.. Земля!!.

Молнией размахнулись, ударили и замирая пролетели слова. Впиваясь глазами в бинокль, сквозь унылую, снежную пелену увидел я черную полоску земли. Над ней сверкало снежное плато глетчера. Вскоре перед нами выросли многочисленные айсберги самой фантастической формы. Земля была рядом.

Подойти ближе было опасно: никаких мореходных карт Земли Франца-Иосифа пока еще не существовало. Задачу осуществления этой карты еще нужно выполнить. С грохотом опустилась якорная цепь. «Седов» остановился. Где мы? Этого никто еще не может сказать, так как солнца нет. Мы находимся где-то у острова Белль. Впереди лежат мертвые, изборожденные зубцами, кратерами, кристаллически усеченными плоскостями равнины. Великое молчание простирается вокруг. Сурово смотрит на нас окаменевший ландшафт, играя неживыми, лунными тенями. Они тянутся бесконечно, обнимая своим матовым блеском причудливо изломанные айсберги, торосы, ледяные плиты. В холодном, молочном тумане любование ими быстро утомляет. Хочется спать, накрыться теплым одеялом. Я заваливаюсь на койку не раздеваясь.

На следующий день мы подходим к южному берегу острова Гукер. Покрытые глетчерами пустынные берега острова чернели лишь у самой воды. Мы медленно двигались мимо их непонятного мрака. Пока ледокол, весело расцвеченный флагами, проходил сквозь серую береговую мглу, мы занялись подготовкой к первой нашей высадке.

Кто думал, что уже через восемь дней мы достигнем земли, до которой, всего пятнадцать лет тому назад, лейтенант Георгий Седов добирался целых два года!

Отто Юльевич приказал извлечь из трюма железный флаг, который мы должны водрузить на земле. Гирлянды пестрых флагов медленно полощатся на мачтах. На палубе суетятся люди, заряжая винтовки и фотоаппараты. Ощупью, с выпущенным якорем, пробирается «Седов» к берегу среди айсбергов. В миле от берега мы останавливаемся. Сквозь туман холодно чернеет незнакомое море. Спускаются шлюпки. В каждой из них, кроме патронов и продовольствия — сирена и ракеты. Это все может очень пригодиться на обратном пути к исчезающему сзади, закрытому туманом «Седову».

Кинооператор Новицкий довольный сидит у руля. Ему удалось убедить матросов, что он «отлично умеет править». А править, действительно, нужно уметь. На нашем пути льды попадаются беспрерывно. Мы то на-

талкиваемся на огромных ледяных гигантов, упирающихся в самое дно, то непрерывно расталкиваем мелкий тающий лед, цепляющийся сбоку. Весла беспомощно стучат по нерастаявшему сахару льдин, и вскоре моряки, ругаясь, выпроваживают нашего кинооператора с кормы на бак.

Берег медленно наплывает на нас валунами и грудами камней, рассыпанных повсюду. Отвесные, размытые бурями и водами скалы поднимаются над водой, образуя дикие, неприветливые замки. Камни, камни, — ничего кроме каменных базальтовых глыб. Мы выскакиваем на землю, подошвы неношенных еще болотных сапог хрустят о россыпи мелкого, источенного временем камня.

Земля, земля! Изумление вызывают красота и величие этих скал, падающих вечно к водам океана, вознесенных неприступными, отвесными громадами, стоящих уже не одно столетие и отдающих морю, как всегда, куски своего источенного веками каменного тела. С пещерным грохотом обрываются отдельные камни, скатываясь к волнам, вспенивая воду и пугая черных гусей, нашедших здесь себе суровую тягчайшую родину.

Пока впиваешь глазами дикое очарование этой картины, созданной скалами и летящими между них голубыми потоками глетчеров, слышишь мелодичный звон водяных струек... Родник. Глаза еще прикованы к верхушкам скал, неожиданно взлетевших вместе с ветром из тумана (ветры приходят и уходят здесь молние-

Водружение советского флага на о. Гукера

косно), слух еще не верит осязаемости знакомых звуков, но в воображении уже ощущаешь траву, листья, родниковую свежесть, отдающую крапивой... Но здесь нет ни травы, ни ручья. Мощной рукой природы разбросаны повсюду камни, камни—без конца и начала. И все же ручей явственно бежит, где-то рядом перезванивается тишиной земли. Галлюцинация?..

Нет, ручьи бегут здесь глубоко под каменными россыпями. Их много: полярное лето в разгаре, скупое солнце плавит понемногу верхушки глетчеров, и талая вода, пробиваясь темными, подземными путями, роет себе подземелье, ища глубин Ледовитого океана.

Мы идем дальше. Со скал срываются и реют над нами неисчислимые птичьи крылья. Воздух пронизан жалобным плачем. Птицы бросаются из своих гнезд, и, готовые защищать до конца своих птенцов, бьют людей крыльями.

Мы медленно несем в гору железное знамя Советского Союза, тяжело прокладывая, впервые за существование мира, эту человеческую тропу. Итти очень трудно, ноги скользят по базальту, отшлифованному льдинами и ветром. Птицы налетают на нас с необычайной смелостью. Приходится отбиваться от них руками, медленно выбирая каждый шаг, растирая ногами яркие и сочные мхи. Мы проходим мимо гнезд с уже оперившимися птенцами, которые скоро выплывут на воду океана, радуясь короткому лету Арктики.

Туман вдруг густеет. Мы идем в полутьме, гулко стуча по базальту, поднимая все выше и выше над

водами океана тяжелое, металлическое знамя. Если по всей необъятной Советской стране красные флаги развеваются под горячими лучами солнца, то здесь наше тяжелое знамя будет медленно и тяжело поворачиваться из стороны в сторону, поскрипывая на железных петлях. Его не согреет ни единый теплый луч. Долгие полярные ночи обдуют его своим мрачным дыханием, нагоняя на эту эмблему человеческой власти над стихиями жгучие, морозные ураганы. Но люди, роющие в вечной мерзлоте яму, знают, что в несмелых и призрачных лучах северного сияния железный флаг этот будет стоять долго и прочно. Флаг поставлен. Птицы налетают на наши ружейные выстрелы, бешено чертя над нашими головами резкие круги. Грохот торжественного салюта прокатывается над скалами, человеческий крик подхватывается несущимся из тумана протяжным и хриплым от радости гудком ледокола. Скалы гордо и мужественно приняли алый флаг Союза Республик. Высоко царил он на ледниковой морене, сквозь туман, ветер, то выходя, то исчезая в сером хаосе каменных нагромождений.

Налетевший шторм едва не помешал нам закончить последние работы. Мы быстро спускались вниз и, усевшись в шлюпки, дружно гребли, пробираясь между голубых айсбергов. В тумане они словно неохотно пропускали невиданных ими людей, уплывающих в своих утлых лодчонках из сумерек и низких сводов ледяных пещер. Весла упруго проникали в неподвижную воду.

Поднявшись по шторм-трапу на корабль, мы увидели, что и «Седов» переживает настоящий праздник. Люди группами бродили по палубе, выходили на спардек и подолгу смотрели назад, на дикие, серые скалы, где в тумане полярного неба одиноко стлался неясный силуэт флага Советского Союза. Он скоро пропал из виду.

Держа курс на вест, мы скоро увидели остров Ньютон. На этом острове, замеченном с корабля шотландцем Лей Смитом в 1880 году, никогда еще не побывала нога человека. Грохоча якорной лебедкой, «Седов» застыл на его пустынных водах.

С трудом удалось вытащить шлюпку на крутой берег. Мы разбились на несколько групп и решили обследовать остров возможно тщательнее. На низком берегу, покрытом пористой, будто недавно застывшей лавой, увидели мы базальтовую скалу с высеченными на ней двумя башнями.

Казалось, неведомые люди должны были появиться из этих стен, напоминавших нормандский замок и средневековье. Но, поднявшись наверх, мы нашли все те же базальты, изрешетенные веками. У одной из башен Р. Л. Самойлович открыл отчетливые, совсем свежие следы медведя. И прохаживаясь по каменным плитам воображаемого замка, у пробитой водою и ветром бойницы я наступил на серый череп песца.

У замка, несколько дальше, перед нами открылись небольшие озера. Три гаги—самец, самка и детеныш—

с невозмутимым любопытством рассматривали нас, вытянув свои короткие шеи. На каждом шагу нам попадались гнезда этих прославленных птиц. Мы бесцеремонно мяли и попирали ногами нежный гагачий пух. В гнездах уже были положены зеленые яйца. Пока мы рассматривали одно из этих теплых гнезд, спугнутая наседка, забыв о своих трех яйцах, покрякивала в снегу и с приятностью совершала свой туалет. Едва мы отошли от гнезда, как она возвратилась к своим невеселым материнским обязанностям.

На каменистых берегах, открытых морским ветрам, встречали мы еще гнезда маленьких чаек. Чайки бесстрашно били людей и собак, прогоняя нас от птенцов.

Остров Ньютон веками поднимался из океана. На самой его вершине мы нашли окаменелые деревья — «плавники», занесенные течением из Сибири; там же я нашел полуистлевший позвонок кита. Результаты нашей топографической съемки острова резко разошлись с картой. Остров Ньютон, нанесенный нами на карты, оказался не круглым, как думали раньше, а вытянутым с северо-запада на восток. Берега его оказались сильно изрезанными мелкими заливами. Профессор Р. Л. Самойлович нашел на острове коричневатый уголь. Этот уголь, правда, не оказался высокого качества, но то, что он был найден в тех же отложениях, как шпицбергенский, позволяло думать, что мы сможем встретить и более ценные его породы.

Мы возвратились из путешествия истомленные ходьбой по бальзатовым глыбам. «Седов» отходил от бере-

гов, и мы долго всматривались в очертанья острова Ньютона: много айсбергов, сидящих на мели, окружают его берега, с севера к нему подходят вплотную ледяные поля... Суровое ожерелье!

И — какое величественное, не покоренное никем безмолвие! Я вскидываю винтовку и стреляю в воздух, чтобы спугнуть завороженную в себе тишину, на миг разбудить эту природу, не видавшую до нас человека. Но немы голубые айсберги, а далеко катящееся эхо выстрелов тревожит лишь и без того обеспокоенную нами стаю белых чаек.

Мы идем вдоль южной части архипелага, выбирая место для постройки самой северной в мире радиостанции.

Сергей Сергеевич Каменев, председатель Арктической комиссии «народный комиссар Арктики — прислал в этот день нам свое поздравление. Мы были горды победой.

Пришли мирные, счастливые дни. На спардеке бренчала гитара, аккомпанируя веселым танцам наших плясунов-кочегаров, в кают-компании гремел и завывал патефон, и даже наш «дедушка» — первый механик Шиповаленков — тянул что-то веселое на своей гармошке. Капитан впервые за все время спокойно спал на своем диване. Все отдыхали от тяжелой, изнуряющей нервы и тело, борьбы со льдом. Были славные дни.

Мы шли к острову Нордбрук, покрытому сплошным ледником, и держали курс на Кап-Флора — южный,

наиболее посещаемый экспедициями мыс Земли Франца-Иосифа. Там нам предстояло водрузить второй флаг Советского Союза, вместо флага Российской империи установленного адмиралом Макаровым в 1901 году.

Чем дальше продвигались мы на запад, тем плотнее становились льды. С трудом «Седов» пробивался в тяжелых ледяных полях. Миновав мыс Баренца, ледокол наш остановился, окончательно обессилев в неравной борьбе с непроходимыми льдами. Вдали, из тумана вырастал квадратный черный мыс Флора.

Было решено выслать пешеходную группу к берегу. К нему и направилась группа наших товарищей, таща на себе шлюпку, железный флаг, винтовки и продовольствие. Измученные добрались они до берега, с трудом вытащили на высокий ледяной припай шлюпку и пошли к земле. Но береговой припай имел широкую трещину. Пробраться на примерзшую к берегу льдину и перепрыгнуть на ту сторону трещины не было никакой возможности. Тогда наши товарищи соорудили мост из железного флага, по древку которого, сидя верхом над черной пучиной моря, переползли через опасное препятствие. На берегу их встретили сонный и ленивый морж и старый медведь, бродивший среди камней. Морж был убит наповал, а медведь ушел, раненый в спину.

31 июля в 15 часов дня на Кап-Флора был водружен советский флаг.

На мысе наша группа нашла полуразвалившуюся хижину зимовавшей здесь в 1904 году американской

экспедиции Фиала, итальянский памятник и столб лейтенанта Седова. Сооруженная из бамбуковых палок и тонких ящиков, с простенками, забитыми ягелем, хижина производила жалкое впечатление. Здесь же, в сугробе снега валялись ржавые банки с давно испортившимися консервами. На болотистом берегу, среди разбросанных ящиков и собачьей упряжи мы нашли вскрытый ящик с полусгнившим чаем, рассыпанный кофе, заплесневевшие галеты. Провианта и одежды, оставленных здесь русским судном Герта, не оказалось вовсе.

С тяжелым чувством возвращались наши товарищи на корабль. Кап-Флора на картах всего мира значится как международная продовольственная база для терпящих бедствие в Арктике. Но, в действительности, если бы гибнущие во льдах попытались найти здесь спасение, они бы только ускорили конец своих страданий... Сломанная дверь американской хижины, новая свежесколоченная постройка, растащенные продукты и одежда, — все это говорило о хаосе разгрома, произведенного не случайно. Очевидно, международная спасательная база была разграблена мародерами-промышленниками, иногда добирающимися и до этих отдаленных мест.

В гранитном памятнике, воздвигнутом на Кап-Флора в честь погибших на пути к полюсу трех членов итальянской экспедиции герцога Абруццкого — Кверрини, Стоккена и Ольера, в железном пенале для почты, нашли мы полуистлевшие письма всех бывавших здесь

за четверть века экспедиций. Наиболее ветхие из них мы побоялись развернуть. Рядом со старыми, полуистлевшими письмами выделялись своей снежной белизной визитные карточки американских туристов, направлявшихся сюда на специально фрахтуемых норвежских зверобоях... Последняя карточка 1928 года и принадлежит мисс Бойд, которая на паруснике «Хобби» участвовала в розысках дирижабля «Италия».

Советская экспедиция оставила в этом цонале полярного почтамта свое письмо.

«Всегда чтим героев Арктики», — было написано на этом листке.

Бухта Тихая. Вид с плато о. Гукера

БУХТА ТИХАЯ

Пока на Кап-Флора водружался советский флаг, «Седов» еще прочнее увяз во льдах. Давно уже была поднята на борт шлюпка с людьми, давно уже они отогревались в кают-компании, а ледокол все еще не мог сойти со льдины. Машины безрезультатно работали полным ходом. Перекачка нашего балласта — воды — с одного конца судна на другой тоже не помогла освобождению. Корабль сидел на льдине, и все попытки как-нибудь сдвинуть его с места не приводили ни к чему.

Борьба со льдами давала себя знать. матросам уже приходилось откачивать воду из носовой части, в которую начинало просачиваться море. Теперь пришлось прекратить всякие работы Команда была брошена на аврал — откалывать корпус ледокола из льда. Это была забавная, почти идиллическая работа: крохотными ломами люди откалывали лед у бортов, стараясь освободить громадный железный корабль...

Ледовые моряки называют эту процедуру «опешиванием» судна.

После долгих усилий нам удалось сорваться. Забурлила вода, и снова поползли мы мимо голубых айсбергов, застывших на прибрежных мелях и рифах. Сотни их были раскинуты кругом в самых живописных позах. Покидая южный берег острова Нордбрук, «Седов» шел на север к западной части острова Гукер, к бухте Тихой, где пятнадцать лет тому назад зимовала трагическая экспедиция лейтенанта Георгия Седова. И в нашей кают-компании сидел живой соучастник этой полярной драмы — Владимир Юльевич Визе. Его рассказы воскрешали далекие картины, прошедшие на этих скудных томительных берегах — столько лет тому назад!

Лейтенант Георгий Седов был незаурядным человеком. Отважный мореплаватель и неутомимый исследователь, он выдвинул перед тогдашним морским министерством вопрос о снаряжении экспедиции к северному полюсу. Этот отважный моряк серьезно обосновал свой проект. Но в морском министерстве пренебрежительно отнеслись к проекту человека, не имевшего за своей спиной титулованных предков и происходившего из простой рыбацкой семьи, и проект не был принят и утвержден. Лейтенант Седов обратился к помощи буржуазной благотворительности и в 1912 году снарядил судно «Святой Фока» с запасом продовольствия и угля на два года. Седов рассчитывал достигнуть Земли Франца-Иосифа в первый же

год плавания, перезимовать и весной 1913 года выйти на собаках или на лыжах к северному полюсу.

Однако в действительности все вышло иначе. Святой Фока» был затерт льдами и вынужден был зимовать у берегов Новой Земли. Вторую зимовку корабль провел в бухте Тихой на острове Гукер, куда направлялась сейчас наша экспедиция. Это было крушением всех надежд, но не заставило сдаться мужественного исследователя. Несмотря ни на что, 14 февраля 1914 года Седов, вместе с матросами Линником и Пустошным, отравленный уже синим ядом цынги, вышел к полюсу. Болезнь сейчас же начала развиваться. Начальника уложили на нарты и в таком положении, теряя сознание, он не переставал торопить своих верных товарищей вперед. Вперед! Приходя в сознание, он твердо проверял курс, боясь что матросы попытаются доставить своего больного руководителя обратно в бухту Тихую. Лейтенант Седов знал, что ему не суждено вернуться: сенсационная шумиха поднятая прессой, требовала от него итти вперед, несмотря на явную бессмысленность этого героизма

Лейтенант Георгий Седов умер в пути, среди льдов Бриганского канала, на нартах, с компасом, зажатым в уже закоченевших руках. Он нал такой же мужественной, прямодушной смертью, какой была вся его жизнь. На снежном берегу Земли кронпринца Рудольфа, на мысе Бронрок, над глыбами базальта был водружен крест из его уже ненужных лыж. Простившись с могилой, Линник и Пустошный, после долгих

страданий и бедствий, добрались до бухты Тихой, где их ждали остальные участники экспедиции, в том числе и Владимир Юльевич Визе.

Осиротевшие члены экспедиции собрали последний совет. Положение было страшным. Продовольствие окончательно иссякло, топлива не было, цынга уже душила людей своими кровавыми пальцами. На каменистом берегу в грудах базальта покоился уже механик Зандер. Надо было спешить на юг, медлить нельзя было ни одной минуты. И было решено бросить в топки все, что можно было отыскать на корабле. Там, южнее, на Кап-Флора стоит поставленный еще в конце прошлого века английским путешественником Джексоном большой деревянный дом. Его можно будет разобрать на топливо...

План был осуществлен. Двинулись, сжигая мебель, потом перегородки кают, потом внутреннюю обшивку корабля. Джексоновского дома хватило ненадолго, но зато, зайдя на Кап-Флора, «Святой Фока» нашел там двух человек. Это были штурман Альбанов и один из матросов с унесенной к полюсу «Святой Анны», на которой погибла экспедиция Брусилова.

Дальше шли, сжигая паруса, мачты, переборки. В топку шло все, что могло сгореть. Сало тюленей, убиваемых на пути, шло туда же. Так добрался «Святой Фока» до чистой воды. Превращенный в пустую ветхую коробку, корабль плыл по воле ветра и волн, которые гнали его к югу. Ближе, ближе,—у мурманских берегов стали попадаться встречные суда, но

никто не хотел подходить к погибающим странникам, несмотря на отчаянные сигналы. Изумлению валящихся от недоедания и болезней людей не было границ. Все корабли равнодушно проходили мимо... Ночью, когда ярко освещенный пароход прошел мимо, не обратив внимания на световые сигналы и ракеты «Святого Фоки», матросы начали стрелять из маленькой китобойной пушки. Но, увы, их выстрелы дали обратный результат: пароход мгновенно потушил свои яркие огни и быстро исчез в неизвестном направлении.

Недоумению и догадкам обитателей того, что раньше носило название корабля «Святой Фока», скоро пришел конец. Поморские лодки, находившиеся на промысле, заметив сигналы, подошли к судну и оказали ему помощь. Усталые, изможденные участники трагической экспедиции рвались к материку, к людям, ища здесь отдыха и успокоения. Вместо них они нашли войну, пламя которой охватило почти весь мир. Поэтому так быстро скрылся, после выстрелов китобойной пушки, пароход, поэтому героический рейс кончался в обстановке полного безразличия всего окружающего...

— Велико было тогда наше разочарование в человеческой культуре!—говорил нам Владимир Юльевич, держа между пальцев потухшую папиросу и заметно волнуясь при воспоминаниях прошлого, по следам которого нам предстоит сделать сейчас первые шаги. Бухта Тихая уже видна со спардека.

Она покрыта молодым, заснеженным льдом. Полнейшее белое безмолвие. Мы видим, как в глубине снегов, далеко, далеко от ледокола медленно уходит медведь. «Седов» проходит пролив Де-Брюйне, по одну сторону которого стоят скалы острова Скотт Кельти, а по другую распростерты лапы огромного ледника, покрывающего весь остров Гукер и жадно тянущегося к морю. Прямо перед нами, за полем тонкого нилосового льда, гордо возвышается квадратная скала зелено-черного цвета, названная в 1895 году Джексоном «Рубини Рок», т.-е. скалой Рубини. Против этой скалы лежит невысокий мыс, названный в честь лейтенанта Седова. Здесь много лет тому назад стоял «Святой Фока» во время своей зимовки.

Два деревянных креста поднимаются из камней побережья, говоря человеческим языком в этой пустыне Арктики. Высокий поморский крест — астрономическая точка экспедиции Седова, а маленький, покосившийся — память о механике Зандере.

Кресты медленно подплывают. Мы подходим к самому берегу.

Скалы, скалы, такие же, как везде, истертые, скользкие от вечности. Мы поднимаемся к крестам, хранящим свои долгие пятнадцать лет. Вот они, места, где разыгралась тяжелая полярная драма. Здесь провожали Седова на последний подвиг, здесь закопаны долгие страдания и гибель многих надежд. Камни не хранят памяти о человеческих чувствах

Кресты стоят незыблемо, храня на себе лишь следы медвежьих зубов.

У края глетчера, стремящегося вниз, нас опережает Владимир Юльевич и скрывается далеко за скалами. Мы видим его уже наверху, подымающимся все выше и выше. Молчаливый этот человек помолодел на пятнадцать лет, отделяющих настоящее от времен «Святого Фоки»...

Он грузно садится на снег у самой вершины глетчера и долго сидит, всматриваясь в знакомые ему берега. Он сидит одинокий десять, пятнадцать, тридцать минут. Мы видим лишь ушедшую в плечи голову, лицо неподвижно устремленное вдаль.

На море наползают льды, закрывая бухту. Седов должен выйти, якорь уже поднят, капитан дает хриплые, настойчивые гудки. Но никто из нас не осмеливается кричать этому человеку на вершине глетчера, погруженному в суровое раздумье..

Здесь, у этих крестов, у арктической голгофы, решено строить самую северную радиостанцию. Бухта удобна для выгрузки и защищена от ветров,—недаром лейтенант Седов назвал ее «Тихой»,—но на берегу нет пресных озер, какие имеются в изобилии на Скотт Кельти. Поэтому, прежде чем приступить к разгрузке трюмов и стройке, решено обследовать этот остров.

Наш моторный бот неисправен. Решено итти на двухпарной судовой шлюпке. Мы огибаем узкую косу

острова и, проходя между Скотт Кельти и островам Мертвого Тюленя, сразу попадаем под свежий, напористый ветер. Волны кидаются на шлюпку, заливая нас водой. Берег закрыт обрывистым ледяным припаем и прежде чем высадиться, надо немало поработать веслами.

С трудом мы вытащили шлюпку и вышли на голый, засыпанный базальтом берег. Земля острова глядела скучно и однообразно. У самого берега нашли мы несколько пресных озер небольшого размера с берегами, покрытыми широкой полосой сочных, ярких мхов. У одного из озер был найден скелет чайки и разбросанные по камням полусгнившие позвонки кита.

Начальнику нашей будущей станции—метеорологу Илляшевичу это место понравилось: пресной воды здесь достаточно, а берег открыт для ветров, дующих как с океана, так и с севера — с Британского канала, что очень удобно для научных наблюдений. Однако, отдыхая после трудного путешествия на груде базальта и обсуждая этот вопрос, решили все же, что начинать выгрузку здесь, на открытом месте, опасно: ближайшим же напором льдов ледокол может быть выброшен на берег.

На следующий день, по возвращении на ледокол, началась лихорадочная работа по выгрузке трюмов. Короткое полярное лето близилось к концу и надо было спешить. Двадцать сплошных полярных дней, под холодными лучами незаходящего солнца, шла выгрузка емких трюмов нашего ледокола. Весь экипаж,

Авральная работа: со льдины накачивают пресную воду

в том числе все штурмана, механики, коки и даже один из радистов, работали, выгружая переполненные корабельные недра.

Спустив на воду шлюпки, завезли наши матросы на берег длиннейшие канаты-швартовы. Второго августа, в восемь часов утра «Седов» пришвартовался к берегам Земли Франца-Иосифа, чтобы начать выгрузку и стройку.

В первый день выгрузили лошадь и шесть коров. Коровы были взяты для убоя на мясо нашим зимовщикам; лошадь так же как и вагонетки с рельсами были взяты из Архангельска на всякий случай, для облегчения подвоза материалов. Скотина выгружалась на лебедках, и коровы были так перепуганы всем происходящим, что даже не мычали.

Тяжела работа грузчика, но неизмеримо тяжелее изнурительный труд полярного грузчика. На девственном берегу, забитом стоящими на мели айсбергами, седовцы не нашли, разумеется, никаких приспособлений для выгрузки. Мы привезли два больших карбаса, на которые лебедки опускали строительные материалы. Карбасы часто кренились на бок и доски сползали вместе с нашими матросами в море, — многим из них пришлось, таким образом, испробовать ледяное купание в океане.

Но вот карбас, наконец, нагружен и его надо переправлять к берегу. Медленно хлюпают тяжелые весла. Только что бывшие в воде, продрогшие матросы должны садиться за греблю, а потом на берегу

переносить на собственных плечах привезенный груз. Неудобную, грубую ношу надо тащить вверх, спотыкаясь о скользкие, неровные камни. Непосильный, каторжный труд грозил свалить с ног измученную еще во время плавания команду. Особенно тяжело было кочегарам. Надо было придумать что-нибудь для облегчения работы,—и старший штурман Юрий Константинович Хлебников своей изобретательностью значительно ускорил темп разгрузки. Строительные материалы уже не переправлялись на карбасах, их перевозили в виде плотов. С помощью длинных канатов паровые лебедки «Седова» были приспособлены для работ на берегу.

Эта механизация дала блестящие результаты. Уже через неделю на берегу выросли груды бревен и досок и около них бродили плотники, готовясь к близкой стройке. Пылали костры, отогревавшие вечную мерзлоту земли для фундамента. Собаки, так привыкшие к жизни ледокола, покидали в эти дни его палубу, оглашая шумным лаем угрюмые берега новой земли. Собакам не хотелось уходить с корабля. Они долго стояли на берегу, завывая на громадину «Седова» и лая изо всех сил, что должно было выражать тоску, любовь, высшую преданность. Самые сильные из них бросались к ледоколу вплавь, чтобы, достигнув неприступных железных бортов, тоскливо вернуться обратно.

Лихорадочная работа кипела круглые сутки — сплошным полярным днем. Через две недели на мысе,

против величественной скалы Рубини Рок, начали расти основы будущих зданий.

Пришел полдень полярного лета, веселый гром рождающихся айсбергов. Склоны скал оттаяли и почернели, к морю поползли ледяные потоки глетчера. Ослепительный свет резал глаза, нам пришлось надевать «консервы»—синие очки. Пришли опять веселые дни. Стук топоров весело и домовито отдавался на берегу, крики людей гулко опрокидывались среди скал.

Но и в эти бодрые, веселые дни, Арктика принесла нам новое испытание. Подули опять нордовые ветры, с севера поползли тяжелые многолетние льды. Бухта Тихая попала в осаду, лед лез к берегу, нажимая на ледокол. Все работы были моментально приостановлены, машины были приготовлены к сопротивлению, но удар льдов был слишком стремительным и неожиданным. Владимир Иванович, вместе со штурманом, беспокойно похаживал по спардеку, наблюдая грандиозную картину быстро мчавшихся льдин. Головокружительно быстро, вертясь, как на быстром течении, плыли они, наполняя океан живым, шевелящимся хаосом.

Шестого августа «Седов», как щепка, был выброшен на скалистую мель. Это произошло во время обеда. Капитан застыл с поднесенной ко рту ложкой, вскочил, бросился как сумасшедший наверх. Но было уже поздно. Напор льдов продолжался не более двух минут, а «Седов» крепко врезался в подводные скалы.

Льды так же быстро ушли из бухты, как и появились. Ветер стих, опять безмятежно стояло на берегу счастливое полярное лето, но ничто не радовало приумолкших, сумрачных седовцев. Напрасно изо всех сил работали машины, напрасно айсберги, подпиравшие нас к берегу, взрывались щедрыми порциями динамита, ледокол был безжизнен. Все были вызваны на авральные работы. Пытались выбирать якорные канаты, но напор льда был так силен, что принятые меры не давали результатов. Ничего не дали и попытки завозить якоря. Все было напрасно.

7 августа работы были начаты с раннего утра. На айсберг были завезены швартовы, ледокол пытался подтянуться при помощи канатов, якорей и машины. На помощь команде были брошены все силы экспедиции. Но в результате неистового напряжения, в течение целого дня удалось лишь развернуть корабль носом в бухту. Корма продолжала сидеть на мели.

Работы прекратил лишь начавшийся отлив океана. Владимир Иванович решился на последнюю меру и приказал начать разгрузку кормового трюма, одновременно перекачивая в носовую часть корабля водяной балласт. Это решило нашу судьбу: в 7 часов 30 минут «Седов» к всеобщему ликованию сошел с мели, проработав тридцать шесть часов непрерывно. Радостными криками было встречено движение ледокола на воде, принявшей нас для дальнейших странствий.

Опасность еще, однако, не миновала. Каждую минуту мы были под угрозой выброски судна на берег. «Седов» отошел на середину бухты, как зверь в окружении облавы, всматриваясь в каждое движение ледяных прерий. Нужно было приготовиться к новым капризам полярной стихии.

8 августа у бухты снова показались льды. Охватывая весь горизонт, на ледокол наступало величественное ледяное поле. «Седов» мгновенно поднял свои якоря, отступил к берегу и спрятался между стоящими на мели айсбергами. Ледяное поле приблизилось, сокрушающе стукнулось о бока айсберга и, остановившись, приняло другое направление.

Начались морозы. Бухта затянулась густым морозным салом. Начиналось образование молодого, нилосового льда.

Льды охотились за нами и приходили еще раз. «Седов» поспешно скрывался в глубину бухты и прятался, врезаясь в прибрежный припай молодого льда.

Стихло лишь к десятому августа. Было тихо, умиротворенно, казалось, никакая опасность не угрожает жизни корабля. Владимир Иванович приказал поднять якори и подойти ближе к месту постройки. «Седов» стал разворачиваться и, медленно двигаясь, пошел к берегу. И—с мостика, на полпути увидели мы своего вечного врага, готового к удару из пролива Де-Брюйне. Это были тяжелые, вековые льды. Мы молниеносно вернулись на прежнее место.

Берег был завален льдами. Прибывшие на шлюпке

матросы сообщили, что дальнейшая выгрузка невозможна.

Дул седой, порывистый ветер. Шла непогода, работать не было никакого смысла. И все же, по настоянию матросов, выгрузка возобновилась. Грузившийся в этот день карбас зажало между бортами развернувшегося корабля и береговыми льдами. Пришлось отходить, поднимать якоря, двигаться дальше от берега.

Мы стоим в удручающем тяжелом бездействии.

Время шло. Скоро конец полярному лету. Разгрузка должна была во что бы то ни стало продолжаться. И—вот, за милю от берега, прыгая по льдинам, с мешками, вскинутыми за плечи, разгружали наши славные архангельские моряки трюмы с углем, мукой и другими жизненными припасами. И когда кто-нибудь, споткнувшись, летел в воду, ни слова жалобы и упрека не слышала дружная товарищеская семья седовцев, — пострадавшего заменял другой, и работа продолжалась в том же темпе.

Напор льдов усиливался. «Седов» вынужден удаляться все дальше и дальше от места постройки в глубь бухты. По приказанию О. Ю. Шмидта были прекращены научноисследовательские работы и все члены экспедиции брошены на стройку. Мы таскали кирпичи, укрепляли фундаменты домов, помогали плотникам.

Лишь 13 августа бухта Тихая очистилась ото льдов. Экспедиция, все время находившаяся под угрозой нападения льда, наконец, получила возможность свободно вздохнуть и начать спокойную работу. Тяжелые дни прошли, и было что вспомнить экипажу, пережившему эти славные незабываемые ледяные бои. Моряки показали, что умеют работать героически.

Старик Шиповаленков с двумя кочегарами бессменно сидел в машине, поддерживая пар, чтобы в любой момент ледокол мог маневрировать при атаках ледяной стихии. Радист Гиршевич сутками не выходил из радиорубки, с неимоверными трудностями поддерживая связь с далеким от нас человеческим миром. Владимир Иванович не сходил с мостика, изучая своих неизменных врагов — льды, всегда идущие в своем вечном стремлении с севера на юг. И—мы не потеряли ни жизни корабля, ни времени, ни удаленной от нас бесконечно земли. Надо сказать, что это было достигнуто ценою исключительных усилий. Радист Евгений Гиршевич поддерживал, например, связь с землей исключительно через советскую станцию Цып-Наволок, ни разу не прибегнув к помощи заграничных станций. Он и радист Цып-Наволока Пахолков соревновались в эфире Арктики на лучшую слышимость. Когда мешали далекие разряды,—на юге были душные грозы, а у нас на Земле Франца-Иосифа трещал мороз,—сноситься с землей было очень трудно. Тогда Гиршевич становился угрюмым и злым. Корреспондентские телеграммы он принимал неохотно, в особенности если они бывали многословными. Потеряв связь с Цып-Наволоком, он пускал в ход радиотелефон,

выкрикивая через рупор во льды и эфир, в неизвестность наши корреспондентские сообщения. Упорство его было неизмеримо, и лишь благодаря этому нам удавалось получать даже личные радиограммы.

Но вот тяжелые времена прошли, можно было оглядеться и начать обследование островов. Дело с постройкой быстро продвигалось вперед. Уже явственно стали вырастать остовы самого северного города. Это придавало всем бодрости и упорства.

Отто Юльевич в эти дни совещался со своими помощниками. Был разработан проект большого рейса на восток от Земли Франца-Иосифа в район, где не плавало еще ни одно судно; лишь в 1913 году здесь была затерта льдами «Святая Анна», дрейфировавшая к полюсу и погибшая в его пучине. Здесь мы рассчитывали открыть новые острова, неизвестные еще человеку.

Этот восточный рейс было решено отложить до обратного пути, определенного на восток через Карское море; оттуда «Седов» должен был пройти к берегам Новой Земли и, минуя Маточкин Шар, вернуться в Баренцево море.

Стройка заканчивалась. Группа членов экспедиции занялась обследованием архипелага. С большой радостью отправились мы на шлюпке к острову Скотт Кельти, имея поручение изучить его пресные озера. Нас было четверо: зоолог Горбунов, гидролог Лактионов, доктор Белкин и я.

„Седов" во власти льдов

Нагрузив шлюпку оружием, партонами и продовольствием, мы двинулись в путь через пролив Де-Брюйне. С моря студено и упруго дуло, сильное течение заставляло упорно нажимать на весла. Нас предупреждали о возможном нападении моржей. Жирные и неповоротливые на льду, моржи очень опасны в воде: они нападают, стараясь пробить борты лодки клыками; на всякий случай, к нашим винтовкам были привинчены штыки.

Вытащив шлюпку на прибрежные камни, поднялись мы вверх на каменистое плато острова. На каждом шагу, из-под самых ног вырывались перепуганные кайры, бросавшие своих птенцов. Птиц было великое множество. Остров уходил ровным плоскогорьем, пересеченный длинным каменным валом. За ним блестело большое пресное озеро, со стекавшими в него ледниковыми ручьями.

Берег был болотист и вязок. Мы подошли к воде, прыгая по камням. С большим трудом удалось зачерпнуть сетками планктон (микроскопические существа, не обладающие способностью самостоятельного передвижения) и пробу воды, которая оказалась очень холодной и пресной. Нам нужно было отыскать черных гусей, следы их часто попадались на берегу, но сами птицы куда-то исчезли. Вероятнее всего, что они улетели в море. Мы искали их много бесполезных часов. Старый пес Юшар тщетно помогал нашим поискам, добросовестно проваливаясь в болото.

Прыгая с камня на камень, стараясь добраться

до берега болотистого озера, я оступился и попал по пояс в холодную и липкую жижу трясины. Тщетно пытался я выбраться наверх. Просторные болотные сапоги сразу наполнились водой и грязью, вымокли под ними теплые собачьи чулки, я барахтался, все сильнее и сильнее увязая в иле, чувствуя, что самому мне уже не выбраться. Начал кричать. Товарищи приняли мои крики за шутку и продолжали свой путь. Перепугавшись всерьез, я начал кричать диким голосом, но все было напрасно. Мои спутники уходили все дальше.

Только через много минут, уже совсем обессилев, я получил наконец долгожданную помощь. Но, спасая меня, Лактионов тоже попал в трясину. Пришлось вытаскивать нас обоих и, немного обсушив на пригорке, согревать хорошими глотками чистого спирта.

Двинулись дальше. Нам нужно было пересечь остров и дойти до Британского канала. Путь был весь покрыт медвежьими следами, говорящими всего вернее за то, что звери пробирались здесь, идя на водопой. С минуты на минуту ожидали мы хищного обитателя льдин. Однако прошло несколько часов, прежде чем мы увидели эту прекрасную арктическую картину.

С обрыва блеснула перед нами горящая на солнце ледяная ширь Британского канала. Льды уходили вдаль, играя ослепительными сверканиями, прозрачными зелеными слитками, иглами, сталактитами. Казалось, огромный снежный кристалл лежал перед нами, опрокинув свои призматические бока и упиваясь солнечным светом. И среди этого блеска, светового счастья, на плоском приподнятом торосе, поднималась желтая жертвенная медвежья фигура. Медведь стоял, раздирая нерпу.

За ним, сверкая далеко за Британским каналом, лежали блистающие острова архипелага. Белая, вся покрытая льдами глечтера Земля принца Георга сливалась с горизонтом. Снежный купол острова еле мерцал. Мы видели также остров Брюса с криво надетой шапкой ледника, остров Нансена с шахматами черных мысов и весь темный от нагромождений скал остров Мабель.

Это — была новая советская земля, острова Земли Франца-Иосифа. Сурово, гибельно сверкала она, неприступная твердыня севера, земля, где живут одни вечные, замороженные льды, где медведи, и те не чувствуют себя дома и уходят от зимних ужасных бурь и морозов. Она была величественно прекрасна тогда в сиянии солнца, лежащая одним прозрачным куском льда. И велика была наша гордость, когда на следующий день, с другого уже берега острова увидели мы в бинокли мыс Седова, где копошились чуть заметные фигурки людей и где поднимались на снегу бревенчатые стены трех зданий. Станция росла. Возникал во льду и снегах неустрашимый, боевой пост человечества и его передовой страны, в самом глухом, проклятом месте земного шара, в самой пасти разъярен-

ных стихий, среди вечной зимы и непроходящего безмолвия.

Через несколько дней, во главе с Владимиром Ивановичем, совершили мы пешеходную прогулку по острову Гукеру и его ледниковому покрову. Мы отправились на север мимо долины Молчания, названной так Пинегиным и Визе пятнадцать лет тому назада, и, пройдя весь остров, достигли мыса Альберта Маркгам. Отсюда распахнулась вся восточная часть архипелага.

Канал Смитсона и канал Самойловича, в противоположность Британскому, были свободны ото льда и вполне доступны для прохода судов. Пролив Аллен Юнг был забит мелким, рябым льдом. Мы осматривали в бинокли скалистый мыс острова Альжер, на котором должна была находиться полузасыпанная снегом хижина американской экспедиции Теодора Циглера, зимовавшей там в 1901 году. Берега островов Кеттлиц и Нансена, которые мы наблюдали несколько дней тому назад со Скотт Кельти, теперь почернели под летним солнцем Арктики.

Обратно мы возвращались по куполу колоссального глетчера, залившего весь остров Гукера. Долина Молчания, красивейшая долина из виденных нами, поражала лишь полным отсутствием растительности; стремительная горная речка перемывала воздух чистым журчанием, кидаясь с высоких скал и уносясь к проливу Де-Брюйне.

Собаки, следовавшие за нами, смело бежали впереди, разведывая путь между обрушившихся и искрошенных временем осколков приморских скал, лежавших у самого прибоя. Их манил берег со своими гнездами и криками птенцов, доносившимися из расщелин каменных обрывов.

Мне довелось участвовать также и в топографической съемке мыса Чурляйниса. Профессор Самойлович, географ Иванов и я отправились для этой работы на шлюпке к леднику Юрий, названному по имени сына полярного исследователя Пинегина.

Эту фамилию необходимо вспомнить. Художник Пинегин участвовал в 1912—1914 гг. в экспедиции лейтенанта Седова и с тех пор отдал всю свою жизнь Арктике... Сейчас он зимует на Ляховских островах, в восточном полярном бассейне, как начальник обсерватории Академии Наук. Мы получили от него поздравление по случаю установления советского флага на Земле Франца-Иосифа. На Ляховских островах истекали запасы продовольствия, и часть зимовщиков бросила обсерваторию, отправившись пешком на материк. Но сам Пинегин с остальными людьми, радистом и метеорологом — остались на посту. Их радиограммы, принятые на «Седове», были бодры и уверенны.

По дороге к мысу Чурляйниса мы попали в сжатие льдов и должны были тащить на себе шлюпку по льдинам. На самом мысу наша группа соорудила из

базальтовых глыб два поморских памятных знака — «гурия». Знаки поставлены на самой вершине скалистого утеса и в одном из них оставлено письмо. Терпящие бедствие, по этому безмолвному и неподвижному сигналу, смогут добраться до советского поселка и получить необходимую помощь.

Топографическая съемка наша охватила район от бухты Тихой, через мыс Чурляйниса, скалу Рубини Рок, ледник Юрий, до мыса Медвежьего. Квадратный мыс, выраставший из ледника, был нанесен на карту как мыс ТАСС'а, в честь корреспондета ТАСС, участвовавшего в этой съмке.

Второй день нашей работы был омрачен ветрами, задувшими с ледникового плато. В течение двух минут температура воздуха понизилась на шесть градусов. Мы вышли в горы при нуле, без верхней теплой одежды, имея на себе одни свитры и сапоги. Пришлось бежать к палатке, раскинутой у подножья Рубини Рок. Мы спешили изо всех сил, но Рудольф Лазаревич Самойлович не переставал торопить нас — каждая минута промедления могла принести гибель. Продрогшие до костей, мы устраивались на ночлег. Иван Маркелыч Иванов — завхоз экспедиции вытаскивал запрятанные в камни спирт и шоколад. Я сгребал еле шевелящимися руками скупо наметанный по базальту снег для нашего чайника. Рудольф Лазаревич уже пыхтел над складным примусом.

Теперь нам не была уже страшна пурга. Под свист ветра и шорох налетающего снега залезли мы в

свои меховые спальные мешки и долго слушали, как Рудольф Лазаревич рассказывал о своем последнем путешествии по Европе. Мы сладко уснули под непрестанный грохот обваливающихся в море камней и под гул птичьего базара...

Утро встретило нас метелью, ветром, кружащимся седою мглой воздухом. И — все же мы решили пробираться к ледоколу. Мы шли, пробираясь между танцующими на волнах льдинами. Шлюпку, сильно разбитую бурей, заливало водой. Океан сумрачно грохотал и пенился. Еле-еле, совсем закоченев и обессилев, добрались мы до ледокола, где нас встретили лукавыми, морскими улыбками. Помогая нам взбираться по шторм-трапу, матросы ласково трепали наши плечи, приговаривая:

— Хлебанули, хлебанули полярного горя... Ничего, не это еще бывает...

Корабль, кают-компания, теплые каюты — все показалось нам раем после недолгого пребывания лицом к лицу с дыханьем Арктики.

Наш начальник, страстный альпинист, излазивший все ледниковые уступы Альп и Памира, сиял в эти дни. Во главе ватаги седовцев совершил он восхождение на купол ледника, заливающего остров Гукера. На обратном пути пришлось пересечь свыше двухсот покрытых снегом трещин, шириной в два метра и глубиной в несколько десятков метров. При спуске обвязывались веревкой по альпийскому способу, но несмотря на предосторожности проваливались все по очереди.

Через день «Седов» вышел в исследовательский рейс в пролив Юнга для изучения глубин, флоры и фауны морского дна. Мы сделали там три остановки: первую у мыса Левис Пуль, вторую — в середине пролива Юнга, и третью — вблизи острова Нансена. Глубина пролива оказалась небольшой — около трехсот метров, но на дне при помощи траллов обнаружили мы очень богатую флору и фауну, наблюдающуюся только на огромных океанских глубинах.

Профессор Самойлович и географ Иванов высаживались на острове Нансена. До них на эту землю никогда не ступала человеческая нога. Остров имел суровый, неприютный вид. Южный его берег был изрезан бухтами, на середине и по краям которых из-под снега выступали квадратные мысы. Эта линия мысов придавала острову своеобразные геометрические очертания. На острове не оказалось ничего интересного — берег был болотист и покрыт пестрыми, очень нарядными мхами.

Возвращаясь обратно, мы столкнулись с принесенными с севера непроходимыми льдами. «Седов», освободившись от своего тяжелого груза, плохо колол многолетние поля. Лишь после четырнадцатичасового наступления ледокол сумел вступить в разреженные льды. Это — не сулило впереди ничего хорошего. Вставал вопрос о необходимости загрузить опустевшие трюмы льдом в качестве балласта.

На дрейфующих с севера ледяных полях мы встречали много зверя. По установившейся традиции,

Мыс Альберта Маркхам в проливе Юнга

зверя, с носовой части ледокола, снимал кинооператор Новицкий, а мы, охотники, выстраивались по бортам и стрелял по очереди лишь после засъемки зверя для кино. Отто Юльевич убил в этот рейс медведицу, два медвеженка которой, дав заснять себя на кинопленке, убежали.

Возвращаясь, еще в проливе Де-Брюйне, за двадцать километров, увидели мы на мысе Седова свежевыстроенные домики поселка. Ледокол подходил к ним, радостно приветствуя самую северную радиостанцию гудками. Нам восторженным лаем отвечали собаки, уже твердо укрепившиеся в этом свежем человеческом гнезде.

Через два дня мы вышли во второй исследовательский рейс в пролив Мелениуса, чтобы возвратиться из него к 20 августа.

Этот рейс был богат происшествиями. Сделав первую научную станцию получив пробы и температуры воды разных горизонтов вблизи южного берега Скотт Кельти, мы высадили на остров профессора Самойловича, географа Иванова и служителя лаборатории Баклана для геологических сборов. «Седов» направлялся дальше к грандиозному леднику Юрий, язык которого распластался по всей бухте между Рубини Рок и мысом Медвежьим.

В скалах стояла мертвая тишина. Было что-то непередаваемо мрачное и торжественное во всем этом ландшафте, нависавшем отовсюду громадами словно

застывших с разлета скал, желтыми бликами холодного солнца, торосами самых причудливых форм и очертаний. Стояла великая тишина северной смерти. С капитанского мостика, потрясенный до глубины души, наблюдал я, как ледокол, расталкивая кружащиеся зеленоватые льдины, медленно надвигался на отвесную скалу ледника, погруженного в свой нереальный, совсем сказочный сон. Ледник весь матовый, словно светящий своими ледяными глубинами, спускался прямо в море. Вертикальные нагромождения льдов, высотою в многоэтажный дом, образовали в середине его отвесной стены глубокий грот, скупо освещенный ледяным блеском, играющим на неприступных, мрачных стенах. В хаосе ледяных громад, образовавших потолок грота, свисали ледяные сталактиты, сиявшие слабым фосфорическим блеском. Вспомнился Нансен и страшный гренландский ледник Пюисорток, неожиданные обвалы ледяных стен. Мы придерживались ритуала эскимосов Гренландии. Мы молчали. Мы стояли на спардеке с небьющимися сердцами.

Дальше итти было опасно: нас каждое мгновение могли раздавить с чудовищным треском откалывающиеся от ледника айсберги. Но когда Владимир Иванович узнал, что ученые хотят провести здесь первую в истории науки ледниковую гидробиологическую станцию, он решил подойти ближе, к самой стене.

Ощупью, с опущенным на дно якорем, ледокол пробирался вперед. Грозная, неприступная стена ледника висела уже над нами своими роковыми громадами. В тридцати метрах сказочной пастью зияла перед нами бездна грота. Мы приступили к разрешению важного научного вопроса о влиянии ледников на животную жизнь моря, на состав и температуру морской воды. Отто Юльевич рискнул отправиться на одноместной лодке в самую глубину грота, нагруженный бутылками для пробы воды. Весь корабль безмолвно провожал его глазами. Вскоре он скрылся в сумеречной глубине гигантской пещеры.

Опасаясь ежеминутного обвала грота, капитан приказал снарядить вслед судовую шлюпку. Десять человек немедленно направились на ней в портал нависавших ледяных гор. Наступили томительные, словно завороженные тишиной, минуты.

Мы гребли осторожно, но уверенно. Ближе, ближе—мы подходили к самому жерлу, плыли уже мимо ледяных стен, над нами уже висели льды, готовые в любой момент превратиться в зелено-голубые айсберги. Грандиозный купол грота уже царствовал над нами. Едва мы успели войти в его призрачную бездну, как под неожиданным напором льда колоссальная торосистая льдина надвинулась на открытую дверь пещеры и крепко заперла ее своим ледяным боком, отрезав нас от «Седова».

С замиранием сердца, охваченные невольным ужасом, мы ждали обвала. Медлить нельзя было ни одной секунду. Нужно было спасаться. Мы прыгнули на небольшую льдину, рассчитывая по ней пробраться к выходу, но плоская поверхность ее оказалась слиш-

ком ничтожной... Едва успев прыгнуть назад в лодку, отталкиваясь изо всех сил баграми от льдины, прорвались мы в случайную щель между двумя остроугольными нагромождениями торосов. Секунды отсчитывались сердцем с непонятной медленностью и болью. Мы боролись баграми, не жалея сил.

В это время из глубины грота показался Отто Юльевич. Сразу поняв, что случилось, он, поспешно лавируя между плывущими льдами, проскочил к нам на своей легкой лодке, минуя грот, грозивший раздавить нас своим неизбежным обвалом. Но положение не становилось лучшим. Огромное торосистое поле неслось на ледокол, крепко ухватив нас в свои непреклонные клещи. Ледокол накренило. Течение несло его прямо на стену глетчера, напирая мощными ледяными пространствами.

Успев поднять нас на борт, «Седов» начал героически выбиваться из этой ледяной западни. Стена приближалась к нам беспощадной гибелью. Ужасный треск льдин становился все грознее. Капитан наш, невозмутимый и твердый, как железо, помор, был бледен и бросал свои приказания глухо и взволнованно. И на корабле, несущемся на твердыни глетчера, была полная, ледяная тишина.

Человек вышел победителем в этой неравной борьбе с полярной стихией. Через несколько минут «Седов» шел полным ходом к бухте Тихой, оставляя навсегда ледяную пещеру. Создавшаяся обстановка не позволила нам даже зайти на остров Скотт Кельти,

чтобы забрать высадившихся там товарищей. Не имея продовольствия, отрезанная напором огромных торосистых полей, группа Самойловича оказалась там в очень тяжелом положении.

Появление их шлюпки было встречено на следующий день с большой радостью. Изможденные от лишений и усталости, тащили они на себе тяжелую шлюпку по кочковатым, торосистым льдам, заполнившим все проливы архипелага...

Семеро наших товарищей, остающихся на зимовку на Земле Франца-Иосифа, уже готовились к переезду из кают «Седова» в свой новый дом на берегу.

Они остаются здесь на целый год, отрезанные от всего мира, на долгую полярную ночь, на тысячи лишений, неведомых нам, жителям веселых солнечных земель.

— Что влечет вас в Арктику?—спрашивал я радиста Кренкеля, который уже в третий раз остается на полярную зимовку. Его широкоплечая фигура плотно приросла к мягкому кожаному дивану кают-компании, борода его давно не брита, глаза блестят от слишком больших глотков коньяка. Он отвечает, задумавшись:

— Что влечет... Поляр-ный яд.

Это звучит как будто странно. Эрнест Кренкель — москвич. Он—сын учителя гимназии. В 1920 году он окончил радиокурсы, работал на московских радиостанциях. Случайно попав в Ленинград, он записался

в северную гидрографическую экспедицию. Никто тогда не хотел ехать на север—на верную цынгу и гибель, — паек состоял тогда из одной трески.

Кренкель выжил и вернулся. И вернувшись, почувствовал, что его снова тянет в Арктику. И пошло и пошло.

— Когда сидишь на зимовке,—говорит он,—нетерпеливо ждешь смены... А вернешься на землю—опять тянет полярная ночь. Если бы позволяли брать с собою женщин, мы не возвращались бы вовсе на землю. А так—приходится год работать, а год отдыхать в кругу своих близких в Москве.

Я жил с Кренкелем и его механиком Муровым в одной каюте. Когда спали эти люди—неизвестно. Все время они проводили в кают-компании, шутили, смеялись, танцовали фокстрот под хриплые звуки патефона. Музыка звучала у нас в кают-компании в самые тяжелые моменты плавания. И когда нервы были напряжены до предела, когда люди хотели забыться, романсы Вяльцевой и песни Шаляпина, музыка вальсов и чарльстонов носилась над льдами Британского канала, даже тогда, когда «Седов» был безнадежно затерт во льдах.

Кренкель, как, впрочем, и все остальные зимовщики, был всегда наполнен жизнью, радостью, и никогда не покидавшим его присутствием духа. Но больше всего в жизни он был занят своим любимым радио. В этом он был признанным мастером и знатоком. Именно он установил на Новой Земле, на станции

Маточкин Шар, самую северную коротковолновую станцию. И тогда он, конечно, не думал, что ему придется устанавливать, два года спустя, такую же станцию гораздо севернее.

Механик Муров—человек пятнадцати профессий, один из тех, чья мятущаяся душа не может удовлетвориться чем-нибудь одним, постоянным. Кавалерист спортсмен, механик, сценарист, студент Института истории искусств, —он до путешествия на «Седове» совершил дальнее плавание на шлюпке от Ленинграда до Баку. От Баку он пешком прошел в Крым. Он путешествует с 1913 года, был моряком, плавал вокруг Европы, в Северной Африке, работал на заводе. Это натура жадная до впечатлений, жадная без границ. Он пытался участвовать во всех наших исследовательских поездках, завистливо встречал каждую нашу находку, каждый рассказ о приключениях во время наших экскурсий на острова архипелага.

По ночам он почти не спит, выстукивая на моей машинке бесконечные письма—Марьям, Софьям, Ольгам и Надеждам. Нам предстоит доставить на землю эти увесистые фолианты пылкости.

Кренкель и говорит и пишет меньше Мурова. Но однажды, бессонной, желтой ночью, он рассказал мне целую историю:

— В Ленинграде есть радиолюбительница Маруся Мелиарова, единственная девушка-коротковолновик. Мы познакомились с ней по радио, на короткой волне—она сидела в своей студенческой комнатушке

на Охте, я—в занесенной снегом хижине на Новой Земле. Она заинтересовалась жизнью отверженных полярников, нашей полужизнью, когда живешь погруженный в арктическую темь, в состоянии анабиоза, и мы стали часто встречаться с нею в эфире, познакомились и задружили. Помню, как перед самым отъездом, когда «Таймыр» уже входил в пролив, я выстукивал ей на аппарате:

...Сейчас иду бриться и складывать чемоданы...

И она отвечала из Ленинграда:

...До свиданья... счастливого пути...

Потом в Ленинграде встретились, узнали друг друга. Хорошая и милая оказалась девушка.

Но Мелиаровых мало. Зато есть много радиолюбителей, которые не только не понимают трудностей и лишений полярной жизни, но даже и не подозревают о существовании северных полярных станций и смелых радистов, сближающих свою жизнь с арктической ночью. Однажды Кренкель связался с одним из любителей-коротковолновиков.

— Откуда вы?—принесло с далекой земли.

— Маточкин Шар,—отвечал север.

— А какая улица?

Что было отвечать полярному радисту? Он отстучал ключом:

— Новая Земля... дом номер первый...

Однажды в эфире Кренкель встретился с Баку, тщетно вызывающим Ленинград. Тогда Баку соединился с городом Ленина через крайний север, и радиограмма, прежде чем попасть по назначению, перелетела через ледяные пространства Арктики.

Петр Яковлевич Илляшевич, начальник поселения—тоже из отравленных Арктикой. Инженер-строитель по профессии, он случайно попал в голодные годы на север в качестве геофизика главной обсерватории. Пять лет провел он на научной работе, два раза зимовал на Новой Земле, потом был помощником начальника полярной обсерватории и, словом, уже не ушел от Арктики. Маленького роста, румяный, с аккуратно закрученными усиками, в галстуке-бантике, всегда свеже-выбритый, он далек от нашего обычного представления о людях севера.

— Север затягивает людей, — говорит он мне, — и не только затягивает, но и часто подчиняет. Зимовка во льдах при обманчивом свете северного сияния, в духовном одиночестве, мучительна и требует много сил Но главное—не в физических мучениях, а в окружающих тебя товарищах. Здесь больше всего и яснее чем где бы то ни было раскрывается человек со всеми его особенностями. И часто—разные характеры, противоположные привычки и житейские запросы служат причиною всяческих недоразумений и даже ссор. Подчас требуется огромный опыт, чтобы во-время вмешаться и предотвратить возможность драки. Человек дичает здесь очень быстро. В Арктике отпадают все человеческие законы и культурный облик часто настолько

изменяется, что приходится бояться за человека, за его осмысленную психику и жизнь.

Однообразие пищи и окружающей человека полярной ночи гасит энергию, которая так необходима для борьбы за существование. Только бодрость духа может спасти здесь от гибели. Но отсутствие солнечного света вызывает сонливость. Человека зовет спать, спать, без конца и просвета. А это ведет к цынге, которая дает себя знать сейчас же. Появляется боль в пояснице, синяки на ногах, язвы на деснах,—и начинается тот распад, который приостановить почти невозможно. Семьдесять пять из ста не выздоравливают.

Зимовка убийственна, тягостна, однообразна. Нужно больше двигаться, гулять. Но и это сопряжено с непредвиденными опасностями. Случалось, что, выходя на прогулку, наши товарищи больше не возвращались. Каждый раз надо брать с собой продовольствие, одежду, теплые вещи. А на Земле Франца-Иосифа еще хуже, чем на Новой Земле. Морозы будут доходить до пятидесяти градусов ниже нуля!

Ко мне в каюту часто заходит Георгий Шашковский—высокий и стройный красавец—метеоролог нашей будущей обсерватории на мысе Седова. Он уже зимовал в Арктике, на Маточкином Шаре; на Земле Франца-Иосифа ему придется вести метеорологические наблюдения—измерять температуру воздуха, его влажность и силу, направление ветра и облачность неба. В 1930 году наблюдениями Шашковского будет

пользоваться дирижабль Нансена на своем пути к северному полюсу. Шашковский не раз упрашивал Владимира Юльевича Визе, который тоже полетит на дирижабле, снизиться над поселком и сбросить почту. Владимир Юльевич только улыбался.

Шашковский тоже находит, что самое трудное на зимовке—не работа, а взаимоотношения с людьми.

— Это так,—подтверждает он,—верти, не верти, а люди ведут себя как дети, и трудно с ними что-нибудь предпринять... Особенно к концу зимовки.

— Но неужели не помогают радио, концерты, доклады?..

Шашковский отрицательно мотает головой:

— Наоборот! Люди настолько уходят в свою, полную борьбы, полярную жизнь, что перестают интересоваться тем старым миром, который оставлен за пределами севера. На Новой Земле забредавшим к нам промышленникам мы прежде всего предлагали послушать радио. Мы им говорили: вот музыка, пение, новости. Слушайте же, ведь это говорят с земли. И всегда мы получали один неизменный ответ: «Да, чего ж.. войны нет, да и то ладно... Чего еще там слухать?..»

Самая большая, светлая радость на зимовке — собаки. Шашковский весь загорается, когда начинает говорить об этих верных друзьях человека.

— Среди полярников ходит поговорка: «чем больше я знаю людей, тем больше люблю я собак». Бывает, что люди, с которыми предстоит коротать длинный

полярный год, оказываются не людьми подвига во имя науки, а случайными авантюристами... Тогда жить тяжело. Собаки становятся лучшими друзьями. С ними возятся как с любимцами и откармливают их на убой.

Вообще, о полярных собаках ходит много рассказов. Все говорят о необычайной преданности полярных лаек, которые часто жертвуют собой, спасая жизнь своему хозяину. На Маточкином Шаре с начальником обсерватории был, например, такой случай. Выйдя гулять и не захватив, против обыкновения, винтовку, он, с одним револьвером в кармане, наткнулся на медведя. Зверь притаился за скалой и, будучи голодным, сразу, огромным прыжком, бросился на человека. Револьвер дал осечку и гибель начальника была бы неизбежной, если бы умный, преданный пес - медвежатник сразу не понял бы опасности и не напал на зверя спереди. А этого, как известно, собаки никогда не делают.

Вцепившись медведю в горло, он отвлек его внимание на полминуты, и человек пришел в себя и застрелил зверя на месте. Однако верный, храбрый пес погиб под медвежьей лапой, разодравшей ему брюхо.

ПЕРВЫЙ РАЗ В МИРЕ

21 августа наш «Седов» снова вышел в длительный исследовательский рейс на север. У нас уже был суровый опыт предыдущих путешествий внутри архипелага, мы уже бывали затерты льдами, и, возвращаясь в бухту Тихую, вместо двух часов обычного хода, застревали в ледяных ловушках на несколько суток. Наконец, у нас в памяти была свежа последняя ледяная драма у ледника Юрия. Несмотря на все это было решено двигаться дальше к северу, надо было расширить скудные познания об архипелаге, исследовать Британский канал.

Итальянская экспедиция Альбертини, которая бесплодно пыталась проникнуть к архипелагу на судне «Хаймен», просила нас в своей радиограмме организовать розыски остатков экипажа «Италии» на севере Земли Франца-Иосифа. Проводя научные изыскания, мы решили попутно попытаться разыскать итальянцев... Зимовщикам мы оставили для связи небольшую радиостанцию и, оставив с ними наших плотников, попрощались, на всякий случай, до следующего лета.

Мы шли в те глухие, печальные места, где на пути к полюсу похоронен лейтенант Георгий Седов. Было 21 августа. Полярное лето с грустью дарило свои последние дни. Птицы уже улетели, смолк шум птичьих базаров, реже стал доноситься гул рождающихся айсбергов.

Расставаясь с поселком, чьи здания были видны даже с Британского канала, «Седов» долго прощально трубил своим протяжным гудком. С берега махали нам шапками люди, собаки прыгали по камням. На мысе «Седова» остались первые обитатели Земли Франца-Иосифа.

Ледокол с большим трудом пробивался вперед, форсируя несшиеся с полюса вековые льды. Борьба с этими льдами требовала много упорства, но его было достаточно у помора Воронина. Уже вторые сутки не сходил с мостика наш Владимир Иванович с биноклем в руках...

И все же наступали часы, когда «Седов» останавливался в полном бессилии. Тогда начинались часы печального полярного затишья.

Эти томительные стоянки облегчались лишь охотой на медведей, которые попадались здесь очень часто. Стреляли, разбившись на три охотничьих команды, по очереди, слушая команду Владимира Ивановича, и попрежнему лишь после того, когда звери попадали на пленку киноаппарата.

Так шли мы на север, пробиваясь во льдах мимо островов Нансена, Луиджи, Чемп и Сальсбюри. Мед-

ное солнце висело над мертвой тишиной скал и льдов. Была первозданная недвижная пустыня, своими правильными, геометрической формы кристаллами, напоминавшая какой-то памятный из детских фантастических романов лунный пейзаж. Мы вступали в железное царство полюса, в те углы мира, откуда для большинства смелых не бывало возврата. Какой милой, сияющей казалась наша кают-компания с ее звуками патефона, с человеческим смехом, рядом с гробовой замороженностью стоящих кругом ледяных пустынь.

Ни на одном из островов за все время наших исследований и пешеходных вылазок мы не видали земли. Только камни, камни без всякой растительности покрывали эти мрачные равнины. Но и черные куски скал радовали глаз рядом с белой лавой ледников, сплошь заливавших некоторые острова от края и до края.

Удивительнее всего было то, что льды стали редеть и вода проясняться. Наши лаборатории работали, не прерывая наблюдений за температурой и пробами воды. И однажды вечером профессор Визе заявил нам о важнейшем научном открытии: мы обнаружили новую ветвь Гольфштрема. Огибая Землю Франца-Иосифа с севера, она проходит море королевы Виктории, море, в котором до нас никто никогда не плавал.

Мы быстро продвигались на север.

И в эти счастливые дни все спали не раздеваясь, ежечасно выбегая на палубу с биноклями. Никогда не

забыть минуты, когда вахтенный матрос Третьяков разбудил нас меланхоличным усталым голосом:

— Эй, вставайте! Побит мировой рекорд полярного плавания.

Рекорд полярного плавания, установленный в 1899 году герцогом Абруццким — 82 градуса 04 минуты северной широты уже перешагнут: мы сейчас находимся на широте 82 градуса 14 минут!

Идем к 83 параллели! Это — разреженные льды, однообразный стук машины, огромные приземистые айсберги, дрейфующую из Гренландии сизая, густая от холода, вода. Исчезли медведи и полярные чайки, самые крайние обитатели льдов.

Тишина...

На капитанском мостике полное молчание. Плотно сжаты совсем обескровившиеся губы Визе, немного сутулится Шмидт, нервно похаживает по мостику Самойлович. А капитан в своем огромном тулупе навалился в рубке на карту, где уже нет ни одной путеводной линии.

Карты уже нехватает. Мы вышли из тех мест, которые хотя бы приблизительно были известны человеку. Пустыня, вечная равнодушная пустыня смотрела на корабль, чертящий свой путь по девственным, безразличным к нашей дерзости водам.

В этот день на «Седове» не смеялись, мало ели и почти не разговаривали. У Земли Рудольфа корабль снова вошел в тяжелые, непроходимые льды. И нос корабля повернул обратно, держа на восток. Мы шли

„Седов" во льдах

к Теплиц-Бею, к Кап-Бороок, к местам, где покоится прах Седова, где были оставлены склады бедствовавших тридцать лет тому назад итальянской и американской экспедиций.

У этих мрачных похоронных мест в знак траура опустился наш флаг. Корабль подошел к мысу, где спутники Седова, матросы Линник и Пустошный, похоронили своего начальника... По их рассказам, Георгий Седов скончался между Кап-Бороок и островом Гогенлоэ. Ледокол наш лег в дрейф как раз в этом проливе, в нескольких милях от берега. Ничто не напоминало здесь о драме: пролив был чист ото льда, любопытные нерпы выставляли свои головы у самого берега, разглядывая невиданного пришельца.

Здесь высадили мы на шлюпке людей для поисков могилы и установки мемориальной доски. Суровый берег обрывисто спускался к морю. Мыс был покрыт огромным ледником, сползавшим к морю, и окружен двумя скалистыми утесами. Георгий Седов погиб в марте, когда его спутники могли лишь слегка забросать могилу камнями, с трудом отделявшимися от мерзлой почвы. Нам нужно было искать следов могилы на леднике. Крутой берег еле позволил высадиться. Нас встретил несмолкаемый грохот обваливающихся в море каменных глыб. Разбившись на несколько групп, мы принялись обследовать всю береговую линию, надеясь найти хотя бы слабые следы старой могилы. Но наши поиски были напрасны: ни поставленных пятнадцать лет тому назад лыж, ни

признаков могильной насыпи, — ничего нельзя было разглядеть среди однообразных россыпей камней и заброшенных скал... Очевидно, беспрестанные обвалы и движение льдов глетчера снесли прах Седова в бушующее море. Возможно, его растащили медведи, разрыв тонкий каменный покров не защищенной ничем могилы.

Мы собрались подавленные, печальные. Словно героическая тень прошлой жизни пронеслась здесь, в этом печальном углу вселенной, чтобы навсегда исчезнуть из реальной памяти. Прах лейтенанта Георгия Седова уже не существовал в мире.

У одного из ручьев, стекающих с ледникового покрова, установили мы мемориальную доску на русском и английском языках. Все обнажили головы. И в траурном молчании мы слушали на краю света, в мрачном торжестве Арктики, речь своего начальника, посвященную памяти прошедшего:

— Он был отважен. Он был одним из тех смельчаков, память о которых украшает все человечество. На этих ледяных путях к полюсу он погиб во имя науки, отдав свою простую мужественную жизнь, ни разу не поколебавшись. Он не был похож на других офицеров царской России. Лучшая память сохранится о нем в народных массах!

Глухо шумели камни, падавшие с обрыва. Кипело неприютное северное море. Каменное кладбище было безмолвно. И люди, возвращавшиеся с северной гражданской панихиды, почти не разговаривали.

Через три часа «Седов» взял курс на бухту Теплиц-Бей, находившуюся рядом. Здесь мы рассчитывали найти продовольственные склады и строения, оставленные в 1899 году экспедицией герцога Абруццкого и в 1903—1905 гг. американской экспедицией Фиала, снаряженной на средства миллионера Циглера. Американская экспедиция потеряла здесь в бухте свое судно «Америка», которое затонуло под напором льдов, и должна была бедствовать в этих мрачных местах целых два года, прежде чем ей удалось добраться до Кап-Флора, где ее подобрало специально высланное из Америки спасательное судно.

Итальянская экспедиция герцога Абруццкого потеряла здесь вышедших к северному полюсу смельчаков — Кверини, Стоккена и Ольера.

После этих трагических событий здесь никто не бывал. Лишь в прошлом году злополучный дирижабль «Италия», пролетая над бухтой, сбросил итальянский флаг.

Мы подошли к этим берегам после двухдневной борьбы со штормом. Берег был густо забит льдом и приходилось оставить шлюпки на льдинах между ледоколом и берегом, пробираясь по доскам. Это был чрезвычайно опасный и захватывающий спорт. Льдины уходили под ногами в зеленую воду, доски скользили, мы спешили изо всех сил. В любой момент могла разыграться непогода, льды могло разнести вместе со шлюпками, и тогда «Седов» под напором полей и айсбергов должен бы был покинуть нас на берегу на неопределенное время.

Прыгая со льдины на льдину, мы были так увлечены этой мучительной эквилибристикой, что не заметили медведя, нетерпеливо поджидавшего нас на берегу. Два других огромных зверя бродили по берегу, среди остатков былого лагеря. Мы убили наиболее любопытного медведя и вступили на бальзатовые камни. Там, где был некогда северный лагерь, валялись лишь проржавленные консервные банки, пустые керосиновые бочки и какие-то совершенно красные от окиси механизмы — машина для добывания водорода, как было разгадано позднее. Четыре рассохшихся норвежских шлюпки лежали на берегу, напоминая скелеты выброшенных морем и сгнивших рыб.

Выше мы увидели голый остов склада американской экспедиции — парусиновые стены за четверть века жгучих полярных ночей истлели. Хранившиеся на складах ткани и теплая одежда превратились в гнилые лохмотья, но упряжь, нарты и другое снаряжение сохранились для грядущего. Среди беспорядочно разбросанных ящиков с американскими, датскими и голландскими консервами, около склада, мы нашли тюки с аэростатами и взрывчатыми веществами.

Еще немного выше мы увидели хижину американской экспедиции, описанную в книге Фиала. Этот небольшой досчатый домик сохранился, но внутри, — мы проникли в него с потолка, — он оказался забитым ледяной горой спрессовавшегося за четверть века полярного снега. Несложный уют этого полярного дома уцелел, восстанавливая в памяти фотографии, которые

были опубликованы в книге Фиала двадцать пять лет тому назад. На стенах были развешаны портреты и часы, стояли книжные полки. В комнате, где был сложен очаг, из ледяной горы выглядывала стопка посуды. На столе мы нашли лампу, рядом с ней спички, которые мы пробовали зажигать — они не отсырели.

Жизненные припасы, обнаруженные нами в этом брошенном лагере, в отличие от картины, которую мы наблюдали на Кап-Флора, оказались в сохранности и смогли бы поддержать даже целую группу потерпевших бедствие и вынужденных остановиться здесь на зимовку. Штабель американских консервов Армора оказался вполне пригодным для употребления. Александрини или Амундсен, попади они на эти склады могли бы спокойно зимовать и затем весной добраться до Кап-Флора, а быть может, и южнее.

Но пусто и грустно оказалось на этом пепелище давно сгинувшей жизни. Лишь полярные медведи бродили здесь по следам полярного мученичества. В желудке убитого зверя мы нашли крошки чая, зубы его были изломаны, — очевидно, о железные коробки и банки.

Все осталось таким же, как было тридцать лет назад. И в такой же неприкосновенности мы оставили сохранившийся лагерь. Лишь полуистлевший вымпел потонувшей «Америки», найденный нами, был взят как дорогая реликвия. Между складом и домом, на пригорке, мы оставили столб с мемориальной доской. На ней наши спутники вырезали простые слова:

IN MEMORIAM

Stokken, Querini, Olier. Soviet Expedition, 1929.

Ничего больше не сумели сделать мы в лагере. Нужно было спешить: мерная поступь полярной ночи грозила нам долгой зимовкой во льдах. Тусклое мертвенное солнце впервые скатилось за горизонт, напоминая о длинном ледяном пути, который лежал перед «Седовым», где-то в неведомой, затягиваемой ночью дали. Мы простились с лагерем, словно с близким, милым человеком.

Дружно и весело загремела рабочая жизнь в эти дни на ледоколе. Чумазые кочегары, выбегая на палубу, чтобы выбросить ведро шлаку, улыбаясь, скалили снежные зубы; штурман тяжелым речитативом выкрикивал курс рулевому; капитан безмолвно шагал по мостику, ласково усмехаясь на нас, беспомощно снующих у лебедок.

— Бер-регись троса... Ожгет! — весело гаркал он нам, неуклюже ворочавшимся в своих неповоротливых шубах у троссов, на которых уходили в море батометры — приборы, доставшие одновременно со дна моря, с разных горизонтов, и пробы воды и ее температуры.

Нам, членам экспедиции, кроме авральных работ, приходилось нести и научную вахту. Во время остановок для научных опытов и исследований на наших научных станциях профессор Визе и гидролог Лактионов измеряли глубины, брали пробы и температуры

океана. Профессор Шмидт и зоолог Горбунов возились с добытыми со дна моря животными и растениями. Профессор Самойлович копался с Ивановым в добытом траллами морском иле, а мы—корреспонденты—вертели лебедки, помогая и тем и другим.

Случалось, что кто-нибудь из нас просыпал вахту. Величайшим стыдом было выходить тогда наверх, где как всегда хлопотливо и неугомонно шла привычная работа. Владимир Юльевич Визе, всегда безукоризненно внимательный и предупредительный, но более всего в жизни ценящий работу, в таких случаях сразу преображался. Он бывал сух и настолько резко осуждал всякую лень и ротозейство, что на целый день не замечал провинившегося и даже с ним не здоровался.

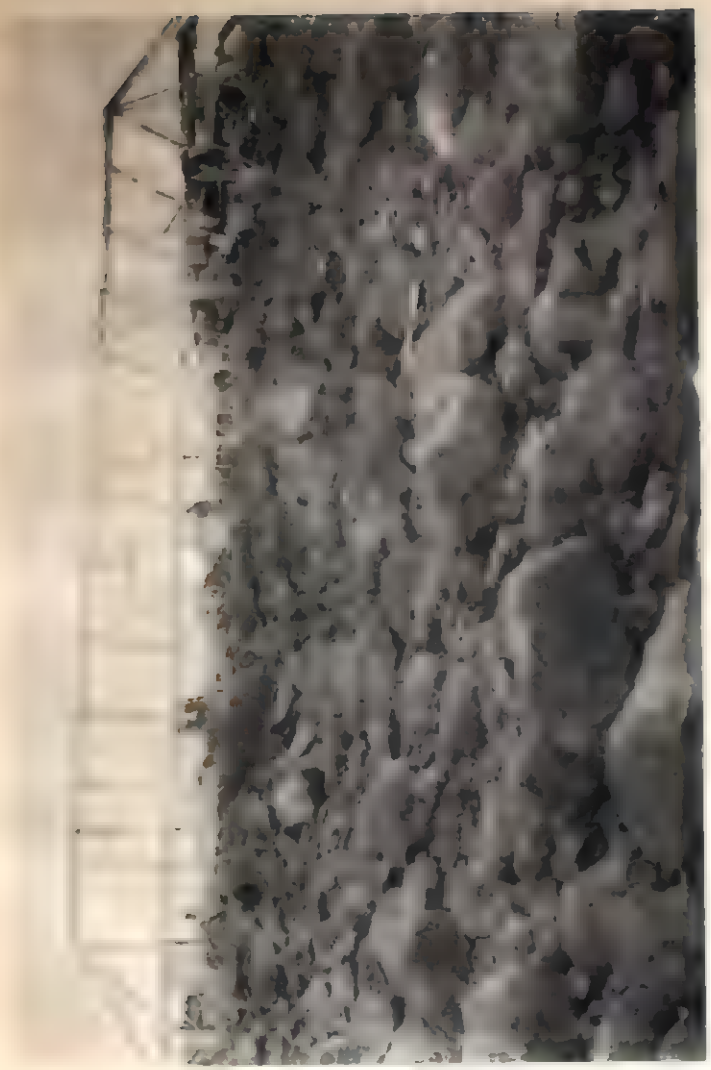
Во время таких научных станций, когда ледокол стоял без движения, Владимир Иванович не мог оставаться в бездействии. Отдав свои неизменные распоряжения вахтенному штурману, он опускался с капитанского мостика и, покручивая с нами рукоять лебедки, весело подсмеивался:

— Ну, что? Где раки зимуют? Узнали горя поморского. Подождите — не то еще будет. Обязательно!

В его суровом голосе это сквозило особыми милыми, смешливыми нотками. И его голос, шутки, неизменная бодрость подбодряли нас в самые трудные минуты. С таким капитаном никто не побоялся бы итти к самому полюсу, или еще на один край света. Он объединял всех, вселял в каждого из нас уверенность в успехе начатого дела. Затертые на маленькой территории корабля, люди самых разнообразных характеров и

склонностей, мы жили как братья, спаянные суровой борьбой со стихией. Никакие невзгоды не были страшны этой дружной семье, иногда, казалось, даже терявшей представление о действительных опасностях, окружавших каждый поворот корабельного винта, каждую минуту полярной жизни.

Самые опасности и лишения приходили и исчезали, как беззаботные птицы.



Земля Рудольфа. Тепдиц-бай. Остов американского склада

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

27 августа — дата, знаменующая новое начало нашей полярной борьбы со льдами. Уже три дня как «Седов» безуспешно старается пробиться в бухту Тихую.

И — мы начинаем беспокоиться о судьбе зимовщиков и рабочих, оставленных нами в новом советском поселке. Положение последних в случае вынужденной зимовки было бы ужасным. Льды уже смерзаются. Еще немного, и великая арктическая ночь придавит нас своим безмолвием. Как будут чувствовать себя эти четырнадцать человек — без продовольствия, теплой одежды?

Нам представлялась невеселая, много уже раз повторенная здесь картина. Да, невесело сейчас там, в построенном на скалистом берегу доме. Семерка зимовщиков обсуждает положение. Люди не спят, не работают, опустили руки, совсем подавленные случившимся.

«Зима уже на дворе. «Седов», очевидно, застрял во льдах и вынужден зимовать где-то там, на севере

архипелага. Рабочие остаются зимовать с нами, в поселке. Припасов, оставленных только на семь человек, будет мало. Что если льды не позволят ледоколу подойти к поселку в будущем году со сменой. Тогда — верная гибель всем...»

На «Седове» воцарились черные дни. Радист Гиршевич, героически поддерживавший связь с землей, даже на самом крайнем пункте нашего дерзкого рейда, — на пути к 83 параллели, — сейчас был беспомощен: хотя мы и оставили нашим зимовщикам маленькую персональную радиостанцию, с мыса «Седова» не было никаких известий.

Вероятнее всего там не смогли наладить аппаратуру. По условию, нас должны были слушать ежедневно в восемь часов. И ежедневно по утрам Гиршевич выкрикивал в радиотелефон депешу Отто Юльевича:

«Почему молчите? Алло! Мы с Седова! Алло! Почему молчите?»

Но ответа не было. В эфире было полное молчание.

Быть может, действительно что-нибудь случилось? Руководство экспедицией очень интересовалось ходом работ у бухты Тихой. Боялись промедления с отделкой зданий, что означало бы опасность задержки ледокола среди смерзающихся льдов. «Седов» не мог покинуть поселка, не дождавшись пуска радиостанции на Земле Франца-Иосифа. Между тем, могла случиться нехватка в частях или какие-либо недоразумения со сборкой, которые не могли быть устранены без помощи механиков с ледокола. Наконец, радиостанция на мысе «Седова» — коротковолновая станция. Она может поддерживать связь с материком только через подобную же станцию на Маточкином Шаре, на Новой Земле. «Седову» необходимо было предупредить через свою длинноволновую станцию Маточкин Шар, чтобы там, с момента пуска аппарата на Земле Франца-Иосифа, начали вахты своей коротковолновой установки.

Много было передумано в эти дни на «Седове». Все думы были там, у поселка, хотя и наше положение становилось все более и более незавидным. Каждый час стоянки во льдах уносил радость одержанных побед над Арктикой. Мы застряли во льдах Британского канала, где-то севернее острова Кеттлиц, у белесой Земли принца Георга.

Дули колючие, обмороженные ветры. Норд сжимал торосистые льдины, охватывавшие нас наглухо, с застывшими машинами и потухшими котлами. Все попытки продвинуться вперед, сейчас, при нордовом ветре, были бесполезны. Единственное спасение — перемена ветра — ожидалось как последняя надежда.

«Седов» походил на большой полярный дом. Не стало слышно обычных корабельных звуков, обычного шипения и вздохов, доносившихся из машины, примолкла веселая, раскаленная прежде кочегарка. В кают-компании говорили только о возможной зимовке, подшучивая над кинооператором Новицким

экстренно выехавшим в экспедицию даже без пальто, в одной желтенькой кожаной куртке. Корреспонденту архангельской «Правды Севера» Весеньеву, много спавшему и уже опухшему от сна, безжалостно бросали предсказания о неизбежной гибели.

Гиршевич, грузно восседавший в своей огромной самоедской шубе-малице, изрекал, жестко оглядывая новичков полярного плавания:

— Да! Железный корпус корабля! Отапливаться зимой не будем... Понимаете. Варить пищу не будем... Надо сохранить уголь для выхода изо льдов, хотя бы летом будущего года. Температура — минус пятьдесят! Железные стены корабля хорошо пропускают холод. Одежды мало. Пищи тоже — витаминных продуктов нет совсем. Все передохнем — помяните мое слово!

Старший механик Шиповаленков, внимательно оглядывая сонную фигуру Весеньева, опереточную куртку Новицкого, закутавшегося в свое кожаное пальто доктора Белкина, дергался лицом и стонал:

— Ох... зимов-щики... Не приведи, бог!

Наверху, в «штабе», где теперь помимо Владимира Ивановича поселились Шмидт и Самойлович, долго совещались, вырабатывая план на будущее. Но что можно было выдумать в подобной обстановке? Ледокол был безнадежно затерт во льдах, плотно зажат ветрами. Кругом не было ни одного разводья, ни одной крохотной щели... Льды стояли необозримыми мертвыми полями.

Владимир Иванович сегодня как-то по-особенному тих и спокоен. Он взобрался на самую верхушку мачты, долго сидел в глубокой бочке и часами смотрел на горизонт. Он сидел очень долго, наконец, стал спускаться и никто не осмеливался подойти и спросить у него то, о чем всем так хотелось знать, и во что все так хотели верить.

Владимир Иванович чувствует это и, не глядя никому в лицо, милостиво бросает:

— Ни-какого просвета...

Вот. Без надежды. Закупорены во льдах Британского канала в бескрайней ледяной равнине. У выхода в океан льды сжаты еще прочнее и неразрывнее. Остается ждать, ждать, ждать.

И мы ждем. У Владимира Ивановича, у Падорина, у Хлебникова — у всех наших моряков, как у каждого истинного помора, не в пример нам, земным людям, много удивительного, неистощимого терпения. Но и они сдерживают себя, не позволяя вырваться невольному восклицанию.

С каждой вахтой мороз становится все сильнее и сильнее. Все крепче смерзаются льды и все сердитей становятся наши штурманы, упрятанные в свое неколебимое молчание. На корабле тихо-тихо. Слышно каждый шаг. Кругом лежат в нестерпимом блеске торосистые льдины, остро колющие глаза, которые невольно смыкаются от желтого сияния полярного солнца.

Неизвестность парализовала все.

Безделье доставляет нашему капитану тяжкие му-

ки. Он уже давно потерял сон. Без конца сидит он в своей каюте и вычерчивает наш рейс на огромной английской карте. Наконец, он не выдерживает. После обеда, когда все ждали наступления обычной замороженной, убаюканной безмолвием зимы тишины, на палубе оглушительно ударил, испуская длинные, медные крики судовой колокол. Это был авральный сигнал: «Все наверх».

Мы кинулись по трапам, натягивая на плечи шубы. Вся команда уже была налицо, и Владимир Иванович, прохаживаясь у сосредоточенной, притихшей стены из человеческих фигур, энергично жестикулируя, бросал свои капитанские приказания:

— Всем немедленно приступить к погрузке льда в трюмы. Необходимо довести судно до полного веса, создать балласт. Тогда мы сумеем форсировать льды. Это единственный выход. Иначе будем сползать, застрянем... За дело приняться немедленно!

Да, Владимир Иванович прав. «Иначе будем сползать, застрянем...» Мы уже давно превратились в игрушку полярной стихии. И это чувствуют все. В. Ю. Визе мрачно ходит вдоль палубы и повторяет:

— Какой это ледокол. Нет у нас больше ледокола! Это — обыкновенный пароход, самый обычный, неспособный к плаванию в Арктике...

Бедный «Седов»! Он стоит мрачный, принимая в свои недра ледяные глыбы, поднимаемые лебедкой. Лед кололи с утра до вечера, до тех пор, пока ледяной балласт был принят в полной норме. И весь корпус

корабля словно напрягся от своего холодного груза. Но ветры не приходили, нас затирало все крепче и крепче, с каждым часом давление льдов усиливалось. Наступила смертная тоска...

Она вскоре зажала нас в свои глухие, одинокие лапы. Люди начали хандрить. Чтобы как-нибудь развлечься кто-то придумал охоту на больших и мохнатых белых чаек. На льдины выносили куски иссиня-черной медвежатины, клали их на видное место и выжидали с ружьями на корме. Вначале птиц не было видно. Терпеливо ожидали их прилета, жадно следили, как вдали показалась первая птица, покружилась над кораблем и, взмахивая длинными острыми крыльями, улетела. Потом опять ждали и, наконец, дождались второй, повидимому, голодной и прожорливой птицы. Она села на льдину и стала терзать мясо, разрывая его клювом. Прицеливались тщательно, сидя на бочке, медленно передвигая стволы ружья, — чтобы в морозной сухой тишине вдруг резко и отчетливо взметнулся выстрел, и большая чайка, странно спрыгнув с мяса, кувыркаясь через крыло, начала биться на нежном снегу...

Тогда с корабля слезал кочегар Ожигин, неуклюже бежал по льдинам и, смело перепрыгивая трещины, наконец, хватал птицу и, волоча ее за вздрагивающее крыло, взбирался на ледокол. Всеобщее ликование. Выстрелы продолжались.

Иногда приходил труд, который встречался с радостью. Надо было грузить пресную воду. Отыскива-

лась счастливая редкая льдина с синеющей замерзшей лужей пресной воды. На лед весело тащили помпу с надписью: «Москва, завод Ланге». Долго, до одурения качали воду, пока на корабле не махал руками механик и кричал: «До-ольно! Вода... через верх...»

Больше ждать нет никакой возможности. Мы уже не можем терять времени для захода в бухту Тихую, если даже улучшится обстановка. Все глаза целыми днями устремлены вдаль. В прозрачные дни, в ясную тихую погоду там можно разглядеть коричневатую полоску острова Скотт Кельти, а за нею в вибрирующей дымке неясное очертание мыса Седова. Между зданиями в бинокль в один прекрасный день стала проступать какая-то странная игла...

На седовские кресты эта игла не походила.

Владимир Иванович долго высматривал ее в бинокль, хмурился, смотрел опять, и, наконец, закричал совсем весело:

— Мачта поставлена!

Это была радостная весть. Мачта радиостанции поставлена, — значит за все время нашего отсутствия работа в поселке не прекращалась. И значит там сумели обойтись без нашей помощи. И значит там могут не ожидать «Седова». Вот, разве только, не удастся попрощаться... Да, жалко, но ничего не поделаешь.

— А, рабочие?

— Да, — подхватил кто-то, — а рабочие? Надо

„Седов" во льдах Британского канала. Трюмы загружаются ледяным балластом

ведь забрать этих четырнадцать человек. Иначе ухудшится положение основных зимовщиков. Иначе...

В этом слове была вся суровая гибельная арктическая судьба. И она заставила искать каких-то новых путей.

Отто Юльевич решил пешком добраться до мыса, проверить производство работ и, забрав рабочих, пешком опять же переправиться на ледокол обратно, и держать курс на юг, к Архангельску.

За ужином он спросил меня:

— Пойдете с нами?

— С удовольствием!

— Я так и знал. Но, к сожалению, нас пойдет только четверо.

Отто Юльевич взял с собой Иванова, корреспондента Громова и Иванова-второго — опытного матроса нашей команды. Двух самых солидных из наших, большей частью молодых, матросов — высокого украинца Бабича и Иванова, Владимир Иванович вызвал к себе в каюту и рассказал им о положении экспедиции. Одному из них он предложил сопровождать группу.

Побледневший от бессменных и бессонных дней борьбы со льдами Британского канала, Владимир Иванович открыто смотрел им в глаза и говорил:

— Вот, значит. Один из вас может итти... Да-с. Задание опасное для жизни. Я хоть и ваш капитан, но заставить вас в данном случае не могу. Кто из вас желает пойти к острову Гукера?

Мы стояли у двери и ждали ответа. Стояла чистейшая тишина. Согласятся ли? Без опытного, бывавшего во льдах матроса нельзя отпустить наших товарищей.

Согласились оба.

На баке уже готовились к отправлению. Владимир Иванович и Ю. К. Хлебников снаряжали каяк. Для него уже соорудили маленькие нарты, Иванов уже бегал по кладовым, таская продовольствие, Громов чистил винтовку Отто Юльевича, а сам Отто Юльевич давал последние распоряжения и уславливался с другими руководителями экспедиции.

Дойдя до острова Гукера, наши товарищи должны были развести костер, заметный для нас в бинокль. Если на мысе Седова неблагополучно — должны быть разложены два костра. В случае, если ледокол вынужден будет уйти во что бы то ни стало, мы должны будем расцветить мачты гирляндами пестрых флагов. Так, самый ужасный сигнал бедствия для наших товарищей должен быть выкинут символом наиболее радостным и торжественным. Иначе нельзя было ничего придумать: блеск ракеты в вечном сиянии полярного дня неуловим, расцветку же флагов можно увидеть даже с мыса Седова.

Были полные волнения и хлопот последние минуты сборов. И на баке, среди пестрой матросской толпы, шел горячий, неистовый спор. Два старых, опытных полярника Бабич и Иванов решали, кому из двух надо итти... И—ни тот, ни другой не хотел уступать. Наконец, соглашение при помощи всего матросского кубрика было достигнуто и решение было найдено: пойдет Иванов.

Внизу на льдине уже ждали. Маленький, щуплый Иванов спешил вниз, на ходу натягивая стеганую ватную курточку, в руках у него уже качался длинный, остро отточенный багор.

27 августа в девять часов вечера четыре человека покинули корабль и вышли по льдам к острову Гукера. На их пути лежали острова Мертвого Тюленя и Скотт Кельти. В этот день солнце впервые скрылось за горизонтом. Спустился серый, промозглый полумрак. Полярные дни с их режущим нестерпимым светом кончились. Кинооператор не смог заснять отход нашей разведывательной группы, щелкали одни лишь корреспондентские фотоаппараты. И перед ними на туманном льду уходившие люди, словно почетный караул, застыли вокруг своих нарт, опираясь на высокие посохи-багры.

Все население «Седова» высыпало на палубу. Владимир Иванович никак не мог отпустить своих людей. Еще раз поднялся он наверх, долго смотрел с мостика в свой сорокакратный бинокль и кричал уходившим:

— Сплошной крепкий лед! Держи курс по компасу, прямо на край Рубини Рок.

Визе высчитывал расстояние:

— Берег будет через четыре, пять часов...

Путники двинулись. Они становились все меньше

и меньше и наконец потерялись в снеговой мгле. Мы разошлись по каютам, ощущая какую-то пустоту. Было обидно, что не на каждого из нас пал почетный выбор Отто Юльевича. Он выбирал себе самых сильных и закаленных.

На корабле потекли часы обычного будничного дела. Мы помогали «Вайпрехту и Пайеру» потрошить убитых птиц, готовить бутылки для проб морской воды разных глубин. Григорий Петрович Горбунов— «Вайпрехт» стал теперь завхозом, и куда более щедрым, чем Иванов. На столе у нас появились фруктовые консервы, шоколад, варенье; вместо чая, к столу стал подаваться кофе.

Пофилософствовав в кают-компании с нашим доктором, ректором Смоленского университета т. Белкиным, много часов спустя, я вышел на капитанский мостик последить за нашими товарищами. Долго наводил я стоящий на штативе бинокль, пока не заметил между торосами две черных точки.

Люди! Прошло уже несколько часов, а они были еще совсем близко, на том же ледяном поле, которое упиралось прямо в наш корабль. Но почему только двое? И почему они двигаются не вперед, а назад, по направлению к ледоколу?

Все недоумевали. Капитан был мрачен и не произнес ни одного слова. Мы не решались беспокоить его вопросами. Об этом он предупредил всех в самом начале плавания:

— Мы, северные люди, любим молчать. Чем меньше вы будете разговаривать на мостике, тем больше я полюблю вас.

Старик Шиповаленков чаевал в кают-компании. Этот северный волк, наоборот, любил порезонерствовать.

— А вы что думаете. Это — шутка. А может, их льдиной разорвало на две группы... Может, эта двойка и спешит назад! Ветерок подул, разводья увеличились, видите. Ох, ничего хорошего из этого дела не выйдет! Да, да, уважаемые товарищи...

Действительно, разводья увеличивались. Тронулись потихоньку льды, ледяные поля зашевелились, зашуршали, панорама полей стала передвигаться. Зловеще зазеленела вода, черными студеными впадинами стали зиять водяные щели. Что будут делать они со своей крохотной парусиновой лодкой? В любой момент их может унести в океан, они беззащитны и подставлены случаем к самому жерлу хищной полярной стихии.

Трудно было усидеть в каюте. Вечный соня Весеньев, как всегда, спал, профессор Визе, переутомленный бессонными ночами, тоже отдыхал в своей каюте, и его никто не осмеливался будить: он так редко позволял себе эту роскошь. И жутко было прохаживаться по спардеку, наблюдая движение на окружавшей нас безмолвной ледяной равнине. Она менялась на наших глазах. Огромные снежные поля шевелились, стонали, разрывались с глухим треском, шли на юг. «Седов» в любой момент мог получить возмож-

ность двигаться. Это — очень хорошо. Но что будет с теми?..

В последний раз их видел вахтенный матрос. Они бежали меж торосами к острову Мертвого Тюленя. Вероятно, они поняли какую-то опасность, увидели движение льдов и, достигнув острова, решили ожидать нас и не двигаться дальше.

Владимир Иванович решился разбудить профессора Визе: льды задвигались, на пути к Гукеру уже темнела чистая вода.

Раздалась капитанская команда:

— Приготовить машину!

Через полчаса мы услышали тяжелое сипенье цилиндров и мерные удары вала. «Седов» тронулся, держа курс к острову Гукер. Очень скоро льдины перестали царапать борты, мы вышли на чистую воду. Там, где до самого горизонта были наворочены беспорядочные ледяные горы, где, казалось, льды загромоздили навсегда водяные пространства своим хаосом, там было чисто, была ровная синеватая, продрогшая и остывшая ото льдов полярная вода.

Мы шли уже между проливом Де-Брюйне, между островами Скотт Кельти и Гукер. С капитанского мостика далеко распахивалась студеная глубина океана. Вахтенный штурман Федор Васильевич Падорин дергал седовский гудок. Протяжная, густая медь медленно ревела в морской дали и замыкалась в безмолвие. Слышат ли нас спасшиеся на Скотт Кельти четыре человека? Они не слышали, ибо там не было людей.

Если бы им удалось добраться, они бы сигнализировали нам с береговых скал, дали бы знать о себе в поселок и их перевезли бы на шлюпке на другую сторону пролива.

Опять под рукою Владимира Ивановича заревел гудок и, ударившись о прибрежные скалы, запрятался в туман. Мы тщетно рыскали биноклями по берегам Скотт Кельти, подавали гудки, ждали ответа, в молчании минутами вслушивались в тишину его берегов. Все было напрасно. Там не было следов человека.

— Смотри на гу-рий!

— Есть.

Гурий — это каменный знак, сооружаемый в честь посещения человеком острова. Такой знак был поставлен здесь пятнадцать лет тому назад экспедицией лейтенанта Седова. Он являлся самой заметной точкой острова, и если бы там были люди, они сигнализировали бы с его пирамиды.

Но и на гурие было пусто. Все молчало на наши приветствия и вопросы. Молча спускались мы в кают-компанию, что-то ели, затем опять поднимались наверх, бродили по спардеку, и так без конца. «Седов» уже приближался к мысу Седова, мы видели уже здания поселка, выраставшие из снегового тумана. Шёл снег. Сквозь непрерывное мелькание метели три дома проглядывали со скалистого берега. Людей не было видно. В крайнем окошке главного дома, в машинном отделении радиостанции, желтел свет. В бинокль было ясно видно, что это горела электрическая лам-

почка. Между главным домом и баней возвышалась новенькая изящная мачта станции.

Электрическая лампа в полярных ледяных скалах! Люди здорово поработали здесь в наше отсутствие!

В обычном месте с корабля грохоча упала якорная цепь. Стихла. Стало совсем тихо. Осиротевшие вернулись мы к поселку. Мы ждали людей. Были минуты глухой тревоги. Из бани показалась группа плотников, поселившихся там после нашего отъезда. За береговым айсбергом неожиданно выпал и зачернел на воде «тузик»—маленькая коварная лодочка, на которой многие из нас потерпели неудачи, опрокидываясь в жгучую северную воду. В «тузике» оказались два человека—начальник поселка Илляшевич и служитель Алексин. Они оба радостны и приветствуют корабль.

— Здравствуйте, здравствуйте!—нетерпеливо отвечают с «Седова» и сейчас же забрасывают их вопросами:—группа Шмидта у вас? Да, да. Группа Шмидта... Нет!.. Печально.

Недоумение прибывших быстро рассеивается. Группы Шмидта никто не видел. На Скотт Кельти, несмотря на тщательный осмотр береговой линии, мы их не заметили. Значит...

Нет, не может быть. Мысль не могла помириться с этим. Пусть простит нас Петр Яковлевич Илляшевич, но впервые мы плохо слушали его в тот вечер. Он говорил спокойно, методично:

— Да, собственно мы не очень беспокоились о

вас. Не могли сообщаться с вами только из-за неисправности оставленой нам радиостанции. Слушать, мы вас слушали в условленные часы, и до нас доходили все передачи Отто Юльевича. Мы через радиотелефон были в курсе всех ваших дел. По ночам ловили радиограммы корреспондентов. Скоро мы поняли, что «Седов» застрял во льдах на обратном пути. Поочереди мы поднимались на вершину ледника и смотрели в надежде заметить знакомый силуэт корабля на ледяных полях. И однажды доктор Георгиевский разглядел его в свой бинокль. Далеко, далеко, он казался пятнышком среди нашей пустыни...

— Ну, а как чувствовали себя плотники? Вот, наверно, исстрадались и измучились люди?

— Ничего подобного. Они ни капли не беспокоились, и лишь когда пришлось из-за неисправности печи перейти на лепешки, стали жаловаться. Они ожидали корабль, чтобы получить скорее свежий хлеб и причитающийся за эти дни паек... водки!

— Здорово!

Все обстояло благополучно. Работы на берегу во время нашего отсутствия шли полным ходом. Зимовщики водрузили мачту, закончили отделку внутренних помещений. Теперь можно было уже прощаться и скорее уходить отсюда на юг, который стал мерещиться невозвратно-далеким, да и, пожалуй, чужим. В эти дни такая усталость охватывала тело, такой тревогой и болью наполнялась жизнь, что, казалась невозможной теплая, уютная жизнь, спокойная

обстановка земли, обед с овощами, яблоками и арбузами... Мы так изголодались по овощам!

Мысль работала вяло. В голове у меня начинался однообразный, унылый шум, и минутами я уже ничего не соображал. Пустыня блеклого, туманного неба, холодная гладь водяной темноты, льды, льды без конца... Усталость, безразличие, какое-то чувство обреченности уже начали проникать и мерно усыплять наше сознание.

С пустынным грохотом вытащила лебедка якорь, наплыл на палубу туман, мы начали уходить на старые свои следы, к острову Скотт Кельти. Опять протяжные гудки, полные несказанной тоски и тревоги...

Молчат насупившиеся скалы. Опять корабль крейсирует у самых берегов и все толпятся часами на верхнем мостике. Даже усталые, освободившиеся после вахты кочегары не спят и шевелятся на палубе.

Пусто. Никого не видно на этих проклятых береговых камнях и льдинах.

Профессор Визе, человек с железными нервами, молчит, опираясь плечом на широкую трубу ледокола и отворачиваясь от ветра. Р. Л. Самойлович, как всегда, быстро ходит по мостику и сердито поглядывает поверх очков. Капитан окончательно помрачнел, зарос бородой и поблек лицом. Без движения часами стоит он на своем месте.

Пусто. Берега проходят мимо, словно издеваясь над нами и грозясь клыками своих острых серых скал.

— Чело-век! Человек!!

Кочегар Ожигин кричит эти слова совсем неистово и показывает куда-то вдаль... Но и без него все уже заметили человеческую тень, вдруг появившуюся, как привидение, сквозь туман, на верхушке скалы. Человек этот в кожаном пальто, это — кажется, Громов: все остальные вышли в коротких пиджаках. Гудки смолкли, ветер доносит слабые крики, человек машет руками, он кричит и до нас долетает странно-жалобно и заунывно:

— Э-ух... э-у-х...э-э!..

Человек снова кричит, напрягая все силы. Он боится быть незамеченным. За жалобным стоном его голоса доносится сухой револьверный выстрел.

— Малый ход вперед!

«Седов» бурлит винтами, подается вперед, мы подвигаем берег все ближе и ближе. И на скале рядом с высокой человеческой фигурой, сигнализирующей нам руками и голосом, мы замечаем другого человека, сидящего на земле. Второй! Если бы были другие! Но где же они, где?

— Где же другие? — кричу я, не сдержав своего волнения и обрываясь...

Никто не отвечает, только Р. Л. Самойлович вдруг неожиданно и громко вскрикивает:

— Узнаете потом. Все потом узнаете!

И я спускаюсь вниз, ругая себя за бессмысленный, бестактный вопрос..

Готовят шлюпку. Нагруженная продовольствием, спиртом и одеждой, шлюпка уходит в пенистое море,

качается на воде. Штурман Ушаков и четыре матроса смело ведут ее по верхушкам волн к берегу. Шлюпка яростно поднимается кверху, бросается вниз, пропадает, опять появляется и снова неуклонно пробивается вперед. Вот она уже у самого берега. Какие-то два человека бегут к ней с высокого плато мыса, они бегут быстро, спотыкаясь, и неожиданно у нас двоится в глазах, из двух они превращаются в четырех, все кричат ликующе, считают еще и еще, ловят их глазами и, убедившись наконец, что их действительно четверо, что они все, освобожденно вздыхают, бросают бинокли, кричат «ура»...

Спасены, спасены, наперекор всем стихиям, все четверо спасены!

Спасены!

Они сидят в кают-компании, окруженные всеобщим вниманием. Буфетчик Иван Васильевич угощает их горячим чаем. И Отто Юльевич, вместе с Громовым рассказывают о своих приключениях:

— Мы тронулись в путь, взяв курс на скалу Рубини Рок и решив итти напрямик. По двое, сменяясь, тащили мы тяжелые нарты с брезентовой лодкой и продовольствием.

Вначале дорога была ровная и итти было не трудно. Снежный покров был глубок, но верхняя его корка была настолько плотной, что позволяла итти не проваливаясь.

В ста метрах от ледокола ровное ледяное поле сменилось нагромождениями торосов. Нам пришлось

пробираться по неровным глыбам льда. И здесь, несмотря на то, что мы были одеты сравнительно легко, пот стал течь с нас обильными ручьями. Тяжело нагруженные нарты цеплялись за острые углы ледяных громад и опрокидывались. Наконец, наши самодельные нарты, сделанные из пары простых лыж, не выдержали и одна из подпорок сломалась при очередном переходе через нагромождение торосов. Иванов кое-как закрепил подпорку морским узлом.

Медленно пробирались мы вперед. Через час обернулись. Среди необозримой белой пустыни чернели в слабой дымке контуры ледокола и чья-то маленькая, еле видимая человеческая фигурка, следившая за нами в бинокль с капитанского мостика. В те же минуты мы заметили, что огромное ледяное поле, на котором мы находились, начало дрейфовать, кажется, к югу.

У первого разводья шириною в несколько сот метров мы решили разделиться на две партии. Это было вполне целесообразно, так как утлый каяк едва вмещал двоих, погружаясь при этом почти до бортов. Отто Юльевич и Иванов попробовали перебраться на лодке, а Громов и Иванов-второй пошли в обход, рассчитывая сойтись всем вместе у края полыньи.

Пришлось прыгать по разрозненным льдинам, зачастую уходящим под воду от тяжести человека, среди хаотически набросанных торосов и айсбергов. Скоро мы осмелели и стали переправляться через небольшие разводья, отталкиваясь на льдинах, пригодившихся нам в роли паромов.

Соединившись с другой группой, мы узнали, что им пришлось довольно плохо, так как поднялся ветер и немилосердно гнал каяк в обратном направлении.

Опять начали преодолевать торосы. Опять пришлось тянуть нарты через ледяные наметы и сугробы, спотыкаться о цепкие неприступные льды и проклинать их сумасшедшую разбросанность.

Так, борясь за каждую пядь пространства, шли мы двенадцать часов подряд, топчась почти на одном месте. Продвижение наше скоро оказалось совсем бессмысленным.

Тщетно старались мы продвинуться вперед, уже усталые и совсем измученные, — лед тащил нас в сторону, мимо узенькой полоски коричневой земли, к которой мы так жадно и слепо стремились. В те часы нам вспомнились рассказы штурмана Альбанова, пешком добравшегося с затертой льдами и дрейфовавшей к полюсу «Святой Анны» к Земле Франца-Иосифа. Альбанов говорил: «Сегодня у нас был счастливый день — за сутки нам удалось пройти пять километров».

Теперь мы поняли все значение этих слов. Пять километров по почти отвесным торосам самой фантастической формы, с частыми обходами больших разводьев и полыний, с возвращением назад и поворотами в поисках пути, что до ужаса сокращало пройденный нами фактически путь, — эта цифра была очень внушительной и счастливой.

На следующий день выяснилось, что мы находи-

лись почти там же, где были вчера. Итти вперед не было никаких сил. Развернули маленькую альпийскую палатку Отто Юльевича и приступили к трапезе во льду. Аппетит оказался волчьим: мясные консервы были быстро уничтожены, а чистый неразведенный спирт быстро поднял наш жизненный тонус. Льды не казались уже такими коварно-белыми, какими они были на самом деле. Порою чудилось, что это не задворки земного шара, не полярный хаос, а просто ледоход на Волге, где-нибудь у Самары, что вдали не бесконечная мертвая пустыня, а близкие берега, где совсем рядом вьется дымок теплого человеческого жилья. Но все это был мираж, спиртовая фата-моргана.

Двинулись дальше, утопая в рыхлых сугробах. Снова карабкались на торосы, еле вытягивая поломанные вконец сани. Ноги совсем перестали слушаться, мокрые фуфайки прилипали к телу. Глаза слипались и плечи были до крови истерты лямками саней. Долго, бесконечно долго брели мы, точно в диком, страшном полусне, но берег ни на иоту не приближался к нам...

Подошли к большому разводью. По очереди переправлялись на отдельные льдины, с них плыли в каяке на следующие, так продолжалось очень долго. Но движение льда делало нас совсем беспомощными. Пока перевозили одного, пока каяк возвращался обратно, вся остальная группа оказывалась отнесенной далеко в сторону. Когда каяк отправлялся за последним, приходилось выгребать уже добрую пару километров на нашем утлом парусиновом суденышке.

Что делать? Медлить было нельзя. Мы бились из последних сил, но тащились вперед. Ветер все усиливался, ледяные поля разводило и уносило на наших глазах. Продовольствия оставалось всего на один день, патронов было несколько штук. Это были последние источники жизни. Мы уже знали, что если нас унесет на юг, от земли, всякие надежды на спасение будут напрасны...

Итак, на последнюю надежду, вперед, вперед, вперед!

Мы были в одном километре от земли, не у острова Гукера, нет, — нас отнесло к югу, к небольшому острову Мертвого Тюленя, — когда поднялся резкий жестокий норд. Огромные волны перекидывались в наш легкий каяк и захлестывали его при переправах. От удара об острую льдину каяк прорвался и стал течь. Положение становилось отчаянным.

Выбиваясь из сознания, судорожно гребли мы навстречу острову. Волны плескали в самое лицо, кругом ходила сердитая муть океана, ворочавшего седые, сердитые волны. Кружкой откачивали мы воду, но ее становилось все больше и больше. Неустойчивый каяк относило течением, бросало, как щепку, грозило каждую секунду опрокинуть. Лавируя между проходящими мимо голубыми гигантами айсбергами, с огромным трудом, совсем изнемогая, добрались мы до каменистой отмели острова.

Он назван островом Мертвого Тюленя в 1914 году профессором В. Ю. Визе. Название это присвоено ос-

трову в память английского исследователя Джексона, который, терпя нужду в продовольствии, набрел на него и с радостью заметил лежащего на берегу тюленя. Но велико было его разочарование, когда он убедился, что тюлень лежал мертвым. Все надежды были беспощадно разбиты.

Мы прибыли на этот пустынный, мрачный берег. Иванов—первый возвратился назад, чтобы захватить и перевести остальных. И тут начались новые мытарства.

Громов остался на острове один. Он ожидал час, другой, третий,.. Застыв на диком, неприютном ветру, он терпеливо бродил по острову, высматривая товарищей, совершенно сбитый с толку. В голову лезли самые невероятные предположения. Что с ними? Неужели они не успели добраться до земли и их унесло в океан? Тогда гибель всем. Они остались без оружия, а он брошен на произвол судьбы без крошки продовольствия.

Прошло полдня. Наступал вечер. Никого не было видно среди пустынных скал и льдов. И лишь к ночи на соседнем острове Скотт Кельти заметил он людей. Это были пропавшие спутники. Три выстрела в воздух гулко прокатились над водой, от скалистого берега отделился каяк,—и скоро вся группа вновь соединилась.

Это было счастье, удача, радостная улыбка судьбы. Люди спаслись тем, что, прыгая со льдины на льдину, добрались до берегового припая. К счастью, береговая

льдина, на которой они находились, была остановлена случайным айсбергом у берегов Скотт Кельти. Этот невысокий проголубевший насквозь айсберг спас трех человек от гибели. Громов был перевезен на лодке к остальным.

Двадцать восемь часов ужасных скитаний окончательно свалили людей. Они бросились прямо на берег, и тут же, под ветром и непогодой уснули. Дальше двигаться было все равно бесполезно. Пролив Де-Брюйне, отделяющий Скотт Кельти от Гукера, был чист ото льда и на дырявой брезентовой лодке нельзя было думать о плавании к мысу Седова.

Отоспавшись, пошли дальше, к каменным мысам на другом берегу острова, смотревшего на Рубини Рок и бухту Тихую. Уже в сумерках, во мгле снежного вихря раскинули маленькую палатку, с радостью залезли внутрь, чтобы согреться глотком чистого спирта и сразу забыться непробудным сном.

И вдруг, сквозь сон, из завываний ветров, донесло знакомые протяжные гудки «Седова». Мгновенно все повскакали на ноги, бросились к обрыву. Гудки смолкли, в море ничего не было видно, однообразный шум ветра и волн вел свой старинный разговор. Это было ужасно — чувствовать, как галлюцинацию, проходящую где-то совсем рядом надежду на жизнь и возвращение.

И снова совсем близко длинно и заунывно завыл гудок. Нас искали, и мы не могли откликнуться. Море с величайшим равнодушием кипело и заглушало все.

С отчаянием кричали мы в туман, бегали и махали руками...

Из тумана показались мачты, знакомая, родная труба, очертания высоких бортов. «Седов» вышел из мглы, как прекрасное солнце жизни. Уже шлюпка плясала на волнах, приближаясь к людям, забывшим все свои страдания перед видениями тепла, спасения, радости. И вот, мы сидим в кают-компании...

Хорошо то, что хорошо кончается,—говорят немцы. Опять стало весело, тепло в кают-компании. Опять крепко веселил обжигающий горло и рот светло-золотой коньяк. И Владимир Иванович, так редко улыбавшийся за последние дни, сияет и смеется, и говорит там о поморской, вечно-скитальческой жизни...

— Вот — какая жизнь! Горькая, тяжелая жизнь... И так от века до века, и нам и детям нашим... Эх, дорогие товарищи!

К утру мы стали на якорь в бухте Тихой. Была самая молодая, свежая зима. Люди спускались по штормтрапу прямо на юный лед, и по льдинам добирались к берегу.

Под троекратный салют взвился красный флаг на флагштоке главного дома советского поселка. Начался митинг, первый на восьмидесятой параллели. Прибрежные скалы беспокойно принимали звуки человеческой речи, ораторские восклицания. О. Ю. Шмидт, Р. Л. Самойлович, В. Ю. Визе и начальник поселка П. Я. Иллашевич произнесли речи.

За обедом Кренкель, с лукавой улыбкой на своем широчайшем лице, сообщил, что сегодня ночью он в первый раз пустит свою, самую северную в мире радиостанцию.

После ужина и обычных, несмолкаемых разговоров за столом, я спустился в ожидавшую у борта шлюпку, и мы, тихо всплескивая веслами снова очистившуюся ото льдов воду бухты, направились к берегу. Была зеркальная гладь, тишина, полный покой. Метров за сто от поселка, пробираясь между застрявшими на мели айсбергами, услышал я пыхтение мотора радиостанции.

Взобрались на берег, подошли к зданиям. Открыв свеже-выструганные двери, я вошел в широкие сени главного дома, где помещалась станция. Дверь во внутренние помещения была раскрыта и за полированным новеньким столиком увидел я могучую спину Эрнеста Кренкеля. На нем были наушники, ноги нервно стучали по перекладине стола. На входящих он не обращал никакого внимания.

Очень скоро он прервал перешептывания, которыми сопровождался осмотр сверкающих лаком и полировкой аппаратов и щитов, страшным криком, похожим на рычание:

— Зам-рите!! Мертвая тишина, чорт бы подрал!..

Потом, привстав от волнения, он повернулся к нам и улыбаясь прошептал:

— Есть. Слышу. Это Америка...

Он снова сел за стол и стал нам выкрикивать

названия станций Аляски и Канады, бесчисленные незнакомые наименования, одно за другим. Положив руки на ключ, он стал затем выстукивать ответы.

Станция работала.

Я вытащил свой корреспондентский блокнот и быстро составил свою первую депешу, которая должна была пойти через станцию Земли Франца-Иосифа. Немного волнуясь, Кренкель записал ее в журнал, потом встал и молча пожал руки всем присутствующим.

Чтобы немного успокоиться и передохнуть, он выключает мотор и (в который раз!), в сопровождении полудюжины путающихся в ногах собак, водит нас по дому. Немного приземистый и суровый снаружи, он внутри ничем не отличается от подмосковной дачи. Хотя на полу еще шуршат стружки, но на столе уже гремит патефон, а в углу в самом обычном российском самоваре топится ледниковый снег: гостей будут угощать настоящим пресным чаем.

В окно комнаты Кренкеля глядит крест могилы погибшего от цынги механика «Святого Фоки» Зайдера. Возвращаясь со своей полярной вахты, радист Эрнест Кренкель будет встречаться глазами с этой каменной могилой, где в прочном просмоленном парусе лежит сохраненный вечным холодом труп человека.

В борьбе одни заменяют других. Глаза полярного радиста будут спокойно окидывать взором этот покосившийся, обглоданный медведями крест. Кренкель

и его шесть товарищей—молодые и отважные бойцы науки—будут стойко переносить, если это потребуется, самые жестокие лишения на своем далеком от людей и солнца посту. Эти семеро—настоящие герои, скромные, незаметные труженики, которых теперь так щедро рождает наша страна.

Ночью Кренкель снова садится за аппарат. На этот раз ему удается услышать в первый раз советскую станцию — коротковолновика Евсеева из Нижнего-Новгорода, работающего так же как и Кренкель на волне в 43 метра.

Долго выстукивает Кренкель—«всем, всем, всем»—вызывая весь мир. Затем он долго и напряженно вслушивается. Слышимость плохая: там на юге сегодня 30 августа, жарко, грозовые разряды, а у нас за окнами густыми хлопьями валит снег.

Но иногда на лице Кренкеля появляется довольное выражение. Долго я наблюдаю за этой игрой выражений и настроений, записывающей все колебания в эфире, пока, наконец, дремота окончательно не сваливает меня на бок. Пора, механик Муров давно уже прикорнул у мотора, рядом с ним счастливо свернулась и безмятежно спит полярным сном собака.

Боясь побеспокоить Кренкеля, ушедшего всем своим существом в эфир, я тихонько подымаюсь и ухожу не простившись. Но Кренкель, — напряженное лицо его вдруг стало очень жалобным, — не обратил на меня никакого внимания. Его станция на Земле

Франца-Иосифа работала и ему не было с этих пор никакого дела до всего остального в мире.

Я вышел. Все жившее в этом доме уже жило своей особенной жизнью, было погружено в свои заботы и дела. Лишь пушистая вежливая собака потянулась мне вслед, помахала хвостом и проводила меня до двери внимательным взглядом.

КУРС НА ЮГ

Время отъезда... 30 августа бухта Тихая окончательно затянулась молодым нилосовым льдом. Мы проводили последние часы на Земле Франца-Иосифа. После торопливого обеда, наконец, опустел ледокол.— седовцы, проложив четкую тропинку на льду, шли прощаться с поселком. Все — и члены экспедиции, и моряки были одеты в лучшие праздничные костюмы и выбриты. Особенно франтили в этот день кочегары, одетые сплошь в новенькие заграничные костюмы, а матрос Бондаренко даже благоухал духами. Наши франты шли по тропинке с таким беспечным видом, словно направлялись через Неву с Васильевского острова на Невский.

Обошли весь поселок, заглянули во все углы. Р. Л. Самойлович давал зимовщикам свои последние советы:

— Ну, что же, все как будто, благополучно... Главное, не перессорьтесь. Живите по-братски. Работайте дружно...

Советское поселение на о. Гукера

На «Седове» уже качались последние прощальные флаги. Лениво, словно нехотя, начинал падать снег. Зимовщики в последний раз поднялись на корабль, молча возились по каютам со своими вещами.

В восемнадцать часов завыл ветер, поднялась и закрутилась непроглядная пурга. Шашковский, Кренкель и Муров укладывали последние чемоданы. Мы помогали выносить их на палубу. Кругом уже ничего не было видно.

Грустно было расставаться с хорошими друзьями. Владимир Иванович крепко-накрепко расцеловал всех семерых зимовщиков и легко вбежал по трапу на мостик. Первый гудок мрачно понесся сквозь пургу и ветер, тревожа полярное безмолвие.

Мы обнимались, сжимали друг другу руки. Семеро полярных братьев спокойно смотрели нам в глаза. Разве только Петр Яковлевич Иллящевич да вечно веселый Муров несколько смутились в этот незабываемый миг расставания. Побледнел слегка Шашковский, и на его слегка дрогнувших губах появилось как будто что-то невысказанное. Он молча совал мне в руки письма, туда, на землю.

Завыл второй гудок. Медленно сходили зимовщики вниз по трапу. Вот они уже на льду и молча смотрят наверх.

Третий гудок! «Малый ход вперед!» С первым поворотом винта обрывается сухой треск ружейного залпа и заглушает крики, слова, восклицания.

— Счастливо! Счастливо!

— До свиданья!

— До следующего го-да!

Медленно, не оглядываясь на уходящий ледокол, шли люди к берегу, становясь все меньше...

Кто-то из веселых, подвыпивших по случаю окончания работ плотников, бросил в скалы хриплое, восторженное «ура». Уходившие стали, оглянулись: их поразил этот человеческий вскрик среди трескотни винтовочных выстрелов. Люди повернули назад. Собаки с громким лаем, вместе с прыгающими через льды человеческими фигурами, бросились вслед кораблю, добежали до середины бухты, остановились. Долго тяжелые меховые шапки зимовщиков кивали нам в снеговой мертвой зыби острова Гукера.

Затем все скрылось, поселок пропал и тяжелое сопенье машины стало рассказывать о длинном ночном пути среди льдов пасмурного океана.

Быстро шли мы навстречу льдам. В последний раз я оглядел берега Скотт Кельти, на котором мы оставляли столько прошлого и столько событий. Вот здесь, на этих плоских берегах я провалился в болото и едва-едва выбрался, здесь были спасены четыре члена экспедиции во главе с нашим начальником, здесь прошло столько волнений, разочарований, — было печально оставлять эти знакомые, суровые побережья... Я спустился к себе в каюту, огляделся: все было по-старому. На столе лежал огромный полуистлевший

позвонок кита, найденный мной во времена наших славных странствий. И все еще говорило о наших друзьях, оставленных среди снегов бухты Тихой. Сцена прощания невольно встала в глазах. Не хотелось садиться за машинку писать очередное радио в Москву. Корпус корабля мерно сотрясало. Положив голову на холодные клавиши своего Ремингтона, я заснул не дописавши радиограммы...

За проливом Мелениуса мы вошли в вековые льды Британского канала. Я проснулся и вскочил. Было темновато. Из открытого иллюминатора дул океан — холодным, пасмурным ветром. Борясь со сном, я отстучал депешу и в одном свитере выбежал на палубу, в радиорубку. Кругом кипел и барахтался лед. Огромные ледяные глыбы с яростным шипением подымались под напором форштевня корабля и падали, раздвигаясь в сторону. «Седов» упорно бился в ледяных тенетах, входя в необозримые поля полярных вековых массивов.

Моя каюта была расположена рядом с машинным отделением. Когда машина почему-либо останавливалась, сразу наступала жуткая холодная тишина. Часто просыпался я от этого многозначительного молчания и не мог уже больше лежать, если в ушах не возобновлялся задыхающийся равномерный выдых машинных поршней. Но на этот раз, когда я стащил с себя одежду и бросился в прохладные объятия постели, я не обратил внимания на то, что за стеной смолкли обычные мягкие и равномерные шумы машины. Не

заметил я, что не повторялся уже мерный шопот «денок»—насосов, беспрестанно высасывающих проникающую без передышки в ледокол воду. Я спал, погрузившись в тяжелые, полярные сны, в какие-то снега, льды, в бесконечный путь, где чудились люди, бредущие среди торосов со своими собаками — со льдины на льдину. А между тем машины «Седова» смолкли. И не на один час.

Гибель «Жаннеты» и смертный дневник Де-Лонга всплывали в мутной памяти. «Попытки быть поэтичным в описаниях арктической жизни весьма похвальны, но я могу оставить это в стороне. Я слишком остро ощущаю, что мы находимся в критическом положении, чтобы писать хладнокровно о красотах ледяного ландшафта. Я могу только отметить, что пловучий лед — место, не соответствующее кораблю, и, как бы ни было здесь красиво с точки зрения художника, я могу всем сердцем желать только одного— быть отсюда подальше». Как я понимаю тебя, мой бедный Де-Лонг!

Стоп! Мы застряли в непроходимых льдах, из которых не было выхода на юг. Тянулись долгие, невылазные печальные часы. Ледяные поля все сильнее и сильнее сжимали наш маленький ледокол. Положение становилось безвыходным. И пока можно было отступать, наш капитан решил пробиваться назад.

Мы вырвались изо льдов, полным ходом спеша назад к берегам острова Гукера. К раннему утру мы возвратились в бухту Тихую, к своей постоянной

стоянке. Загромыхала якорная цепь, вновь опускаясь в знакомые воды.

Выхода на юг не было. Ворота Британского канала были наглухо заперты. Оставалось — или готовиться к зимовке, или ждать перемены ветра. Но льды смерзались с каждым часом все прочнее и прочнее, и надежда становилась все тоньше и призрачней. Что же? На зимовку! Вместе с нашими семью смельчаками, вдруг, после проводов уже «отдавшими концы» всему земному, увидевшими неожиданный силуэт «Седова», вставший своими мачтами и трубой, на знакомом месте... Это — было так горько, тяжело.

Наверху в «штабе» экспедиции шли совещания. Мы зябли в своих шубах, дожидаясь окончательного решения. Но неужели зимовка?

Решение наших ледяных стратегов было гениально. Встретив непроходимые льды на юге, они решили итти на север, ставя задачей обходным путем пройти в Баренцово море. И 31 августа в 17 часов «Седов» вышел из бухты Тихой на север.

Проливом Юнга прошли мы во льды канала Смитсона, канала никогда не знавшего корабельного винта. Обогнув северную оконечность острова Гукера, «Седов» пошел на восток и потом прямо на юг.

У самого выхода из канала Смитсона наткнулись мы на мель, пройдя ее на глубине в двенадцать метров. Ощупью прошел корабль это опасное, не нанесенное ни на какие лоции место. Пришлось спускать шлюпку для промера глубины. На ее руле сидел

Ю. К. Хлебников, прикладывавший ко рту руки и кричавший издалека:

— Де-сять!.. Две-надцать!..

Долго раздавался голос нашего неутомимого Юрия Константиновича среди мрачной фаланги сидевших кругом айсбергов. Весь этот день, день второго сентября, мы медленно пробирались в самых тяжелых льдах.

Прощай, восемьдесят вторая параллель!
Прощай, восемьдесят первая!
Сегодня еще прощай, восьмидесятая!
Через два дня мы прорвались в Баренцово море.

Широта семьдесят девять градусов тридцать минут. Льды становились все тяжелее и тяжелее. За последние сутки мы продвинулись всего на две мили. За обеденным столом Владимир Иванович кипятился и нервничал, поминутно бросая ложку и повторяя все одно и то же:

— Вот... Придется. При-дется зимовать во льду!

Он окидывал всех злым взглядом, махал руками.

— А почему? Ни-кто не хочет работать. Люди не хотят понять всей серьезности положения. Нужно работать. Да-с. До исступления, до потери сил. Только тогда спасемся. Не иначе-с.

Господи боже мой! Мы работали до исступления. Все время было занято до отказа. Вынужденные

стоянки были использованы, как и в Британском канале, для научных станций и загрузки трюмов ледяным балластом.

Температура понижалась. Было уже минус четыре. С каждым днем все живее и живее возникал молодой лед, пленкой затягивавший щели между старыми льдами. Шла самая настоящая полярная зима.

В самом разгаре наших работ Гиршевич принял новую радиограмму итальянцев. Альбертини стремился на своем «Хаймене» к южным берегам Земли Франца-Иосифа, но застрял где-то между Землей Джиллиса и островом Надежды и просил сообщить ему наши координаты. «Хаймен» желал встретиться с «Седовым». При личном свидании с советскими учеными Альбертини хотел получить подробные сведения о состоянии льдов внутри архипелага и о результатах наших поисков групп Александрини и Амундсена на севере.

Нам тоже очень хотелось встретиться с итальянцами, но во льдах Баренцова моря не бывает произвольных встреч. Мы находились в отчаянном положении, среди таких непроходимых льдов, что об изменении курса на северо-запад не могло быть и речи. Каждый из наших немногочисленных запасных дней должен был быть использованным для прорыва на юг.

Итальянская экспедиция, в свою очередь, тоже не могла подойти к нам. Выразив свое сожаление итальянцам, мы подробно передали Альбертини о сделанных нами северных рейсах, о безрезультатности

поисков, о наших горьких, но победных странствиях. Затем, — снова и снова мы начали упорно рваться вперед ..

Температура продолжала снижаться. Четвертого сентября термометры наших лабораторий уже показывали минус девять. Быстро возникал нилосовый лед. Ледоколу становилось еще труднее атаковать отдельные льдины, спаянные молодой пленкой свежего льда.

На широте семьдесят девять градусов и долготе пятьдесят два градуса тридцать минут мы остановились для научной станции. Отсюда мы взяли курс на восток — для исследования «белого пятна» — совершенно неизвестного человеку восточного полярного района, где не плавало еще никогда ни одно судно.

К вечеру корабль вошел в более легкие льды. Крепость и толщина их были не меньше, чем на западе, но разводья и синеющие щели океана попадались все чаще и чаще. Путь ледокола стал проясняться. Наконец, вахтенный штурман, показывая на темную полоску у горизонта, закричал:

— Водяное небо!

Ближе, ближе подходили мы к концу наших полярных бедствий. Водяное небо—это значит, что близки уже разреженные льды, их рассыпчатая махровая кромка. Значит — долой мысли о зимовке. Мы впервые за все время начинаем говорить о земле, о земных людях и старых вещах. От кромки мы повернем на восток и, выйдя на чистую воду и делая через каждые

тридцать миль научные станции, начнем важнейшее исследование вод восточного полярного бассейна.

И ночью мы вошли в разреженные льды кромки. Мы шли среди маленьких круглых льдинок так называемого «блинчатого» льда. Самый опасный этап плавания уже истекал.

5 сентября в девятнадцать часов на широте 78 градусов 40 минут и долготе 58 градусов, в сплошном белом тумане, встретились мы с таинственным караваном судов. Было время вечернего чая. В кают-компании шла оживленная дискуссия о футуризме, когда ворвался засыпанный снегом штурман Хлебников

— Четыре норвежских судна в одной миле от курса! — быстро проговорил он.

В. Ю. Визе посмотрел на него через очки и улыбнулся:

— Садитесь чай пить, Юрий Константинович. Какие там норвежцы! Им незачем плавать так далеко на востоке. Да они и не дойдут сюда...

Но Хлебников говорил правду За ним, одеваясь на ходу, прибежал Владимир Иванович. Он заметно торопился.

— Юрий Константинович, скорее—полный назад! А то раздавим!

Горячий чай был брошен в самом начале. Схватив аппараты, всегда дежурившие вместе с винтовками в углу, мы кинулись на палубу. Было темно, о снимках нечего было и думать. В тумане чернели загадочные пятна четырех кораблей. Это—не были зверобои.

им незачем заходить в эти места, небогатые зверем; да и вырваться отсюда им уже нелегко, так как льды смерзаются...

Безмолвно, стоя на ледяном якоре дрейфовали эти суда. Одно из них было в стороне, у второй льдины — другие два, четвертый бот, совсем крошечный, прижался к борту самого большого из судов.

Нас встретили полным молчанием. Никакого привета, салюта. «Седов» подошел совсем близко. На палубе самого большого судна увидели мы доски, строительные материалы, железные бочки. Все было так, как на «Седове», до его выгрузки на Земле Франца-Иосифа. Уж не та ли это норвежская полярная экспедиция, о которой мы читали в сообщениях норвежского телеграфного агентства?

Это — так и осталось неизвестным.

Мы разошлись в тумане с норвежскими судами, которые, как видно, уже давно находятся в плавании. Почти в десяти шагах прошел «Седов» от их борта. Мы видели на палубе ободранные медвежьи туши. Полярные будни стояли на кораблях, видно было, что там рассчитывают на долгие странствия. Но этим четырем судам никогда не дойти до Земли Франца-Иосифа, если они этого хотят. Льды смерзались. Они едва-едва выпустили нас из своих ледяных объятий, пробиться же на легких деревянных суденышках сквозь сплошную ледяную броню было невозможно.

В легких льдах продвигались мы все далее на восток, лаборатории наши продолжали изучать влияние

восточного полярного бассейна на Баренцово море. Мы шли в районе, где никогда еще не производились научные исследования, и В. Ю. Визе сам весело возился у барометров, помогая своим помощникам — «Вайпрехту и Пайеру».

На чистую воду «Седов» вышел израненный льдами. В борьбе с Арктикой потеряли мы лопасть винта и получили две пробоины в форпике. В ночном аврале течь кое-как заделали двумя цементными пластырями, но этого, конечно, было мало, и каждую минуту можно было ожидать, что вода хлынет в трюмы. Когда седовцы при виде пустой, чистой воды веселились и начинали говорить об успехе экспедиции, капитан вспыхивал. Владимир Иванович волновался так, словно эти две пробоины открылись не в форпике, а у него в сердце.

— Победа! Ха! Какая же это победа! Возвращаемся с разбитым судном, а вы говорите о какой-то победе... Стыдились бы шутить! Вот приедем, — и прямо под суд!

Этот отважный, необыкновенный человек, спасший экспедицию от гибели, выведший ледокол из безысходных льдов, не радовался теперь вместе с нами. Пробоины в форпике не давали ему ни покоя, ни сна. Он болел настоящей физической болью за каждый шпангоут, за каждый болт, за каждое ребро корабля. Глядя на него, невольно приходила мысль, что наш Совторгфлот имеет надежных хозяев на своих кораблях.

В эти радостные для нас дни, когда все, кроме ка-

питана, были в светлом, приподнятном настроении, через эфир летели к нам точки и тире приветствий и поздравлений. Шедший к западу от нас «Персей» — корабль плавучего морского института — сообщал:

«Комсостав и команда «Персея» поздравляют комсостав и команду «Седова» с достойным восхищения рекордным полярным рейсом и желают счастливого пути в дальнейшем. Капитан Замяткин».

Я, как заведывавший информацией на ледоколе, вывесил эту телеграмму в кают-компании и в кубрике. Телеграмм стало поступать так много, что я вскоре заметил утрату к ним какого-либо интереса: северные моряки совершенно равнодушны к словам и славе.

В ночь на шестое сентября пришла последняя тревога. Густой звон аврального колокола облетел весь корабль, настойчиво расталкивал спящих, заунывно гудел над палубой. Полураздетые, заспанные выбегали седовцы в непроходимую ночь, висевшую над качавшимся и перекатывающимся крупной зыбью морем. Корабль сильно качало. С мостика неслся из рупора зычный крик команды Владимира Ивановича. И тут я заметил, что судно шло сильно накренившись, глубоко зарываясь носом в темнозеленые волны. Была тревога, черная ночь морского бедствия.

— Сильная течь из пробоин! Ста-новись к насосам!

Корабль шел чистой водой. Донки работали непрерывно, но вода не убывала. Люди были брошены к ручным помпам. Лихорадочно поднимались и опуска-

лись их коромысла, круглую ночь напролет одни сменял другого. И не было конца этому бешеному напряжению.

«Седов» медленно подвигался вперед. Мы шли уже прямо на юг, отказавшись от первоначальных планов итти дальше, дальше, на восток. Лишь на вторые сутки крен корабля был устранен, вода понемногу стала убывать и нос подниматься. Но это было неутешительно: через день серьезная течь в форпике, несмотря на непрерывную откачку воды, снова возобновилась. Опять накренилось судно. Вода стала проникать в угольные ямы. Пластыри лишь незначительно сократили приток воды.

Океан хмурился уже настоящим штормом. Израненный корабль со стоном переваливался с вырастающих квадратных волн, через падавшие водяные бездны, вверх, на другие, грозящие и накипавшие белым кипятком темные текучие глыбы. Надо было как можно скорее кончать плавание. Еще раз был изменен курс: мы шли прямо домой, на Архангельск.

Люди качались от усталости, бессменной работы и непрестанной качки.

Шестого сентября на блеклом горизонте выпукло вылезла и стала наливаться коричневой краской полоска земли. То была северная оконечность Новой Земли. И только здесь, у мыса Желания, мы поверили, что в этом году будем в Архангельске.

В три часа дня мы прошли Оранские острова, держа курс на острова Гольфштрема. Острова эти не точно

нанесены на карту. Мы продвигались вдоль западных берегов Новой Земли для обследования их береговой линии, нанесенной на карты уже два раза. Несмотря на это географы еще не знают существуют ли эти острова на самом деле. Когда в 1925 году Р. Л. Самойлович на боте обследовал берега Новой Земли, он, обойдя всю береговую линию, этих островов совсем не обнаружил. Вместо них он нашел глубину в сто двадцать метров.

Мы должны были произвести окончательное обследование этого района, чтобы решить вопрос о существовании островов Гольфштрема.

Утром 8 сентября, находясь на широте 76 градусов 27 минут и долготе 63 градуса 05 минут—координатах островов Гольфштрема, мы не обнаружили никакой земли. Полным ходом шли мы по месту, обозначенному на карте островами. После долгого дрейфа и крейсирования «Седов» бросил якорь. Мы высадились на ближайший берег, на мыс, выдающийся далеко в море, и убедились, что это мыс Утешения. Рядом с ним В. Ю. Визе узнал Русскую гавань-бухту, где в 1913 году, на пути к Земле Франца-Иосифа, зимовала экспедиция Георгия Седова. Севернее мыса мы обнаружили небольшой остров, вовсе не нанесенный на карту. Берега его были покрыты мхами, снега на них не было вовсе и кое-где пробивалась коричневая травка. Да, Новая Земля не выглядела так сурово, как Земля Франца-Иосифа.

На мысе мы нашли старый поморский крест середины прошлого столетия и памятный знак экспедиции лейтенанта Седова

Для того, чтобы убедиться окончательно в отсутствии островов Гольфштрема, мы повернули на север, пройдя свыше двадцати миль мимо северо-западных берегов Новой Земли. И здесь мы не обнаружили никаких признаков земли. Островов Гольфштрема не существовало в мире.

Норвежский капитан Мак, открывший эти острова в 1881 году, ошибся, принимая выдающийся в море мыс за самостоятельный остров.

Так, заканчивая экспедицию, мы сделали еще одно немаловажное открытие. Мы «закрыли» навсегда мифические острова Гольфштрема...

Уже на чистой воде, пережив прошлые опасности и отдохнув от мучительных авралов, послали мы приветственное радио семерым обитателям Земли Франца-Иосифа. Радиограмме нашей выпала честь говорить стихами. Стихи эти, правда, не звучали богатством мелодии и не блистали образами, и с «земной точки зрения» были довольно грубоваты, но тогда на «Седове» они нравились всем, кроме доктора. Вот эта поэтическая депеша:

ЗЕМЛЯ ФРАНЦА-ИОСИФА. ЗИМОВЩИКАМ

Вырвались из пропасти,
Потеряв полторы лопасти.
Миновали лед,

А доктор блюет.
Снабжаем вас теплым приветом,
Ждите следующим летом.

Седовцы.

Через два дня Гиршевич вывесил на стене кают-компании ответную радиограмму с советского поселка Земли Франца-Иосифа. Зимовщики решили не отставать и, в свою очередь, обратились к неприхотливой северной музе:

СЕДОВЦАМ

В пропасти живем, не тужим,
Новые матрасы утюжим.
Жрем так много,
Что появляется изжога.
Лопастей не теряем,
Вас всех вспоминаем.
Желаем вам быстро добраться
Будущим летом скорей возвращаться.

Зимовщики.

В этой грубоватой лирике не было и капли тревоги за свою судьбу. А впереди висела полярная ночь, неизвестность будущего... Сумеет ли какой-нибудь корабль дойти следующим летом до этих мрачных, заколдованных берегов? Ведь «Седов» с таким счастьем и опасностями вырвался изо льдов, во мраке которых, у высокой, угрюмой скалы, рядом с одинокой могилой, суждено жить нашим друзьям.

Мы часто вспоминали их, сидя первыми темными вечерами на спардеке и слушая журчание воды, раз-

Начальник полярной станции [illegible]

двигаемой корпусом корабля. Пришли уже эти прохладные, темносинние вечера. Первые родные звезды уже переливались в небе. Доктор Белкин философски грелся у широкой седовской трубы; перед ним, сидя на корточках, меланхолически позванивал гитарой третий механик Семаков. «Вайпрехт и Пайер» экзаменовали нас в астрономии.

Были темносинние вечера, блеклые северные ночи. Уже загорались в них несмелые блики полярного сияния. Палуба мягко бродила между белых полос от электрических ярких фонарей, и красные семафорные перстни сигналов опрокинувшись горели в черной, маслянистой воде океана. Он мелодично журчал под низко идущим форштевнем, смотрящим как всегда непреклонно вперед. Мы шли полным ходом, прямо к берегам архангельских земель.

Стало теплеть и пригревать солнцем. Люди снимали меховые шубы, тяжелые норвежские свитера, стали чаще бриться. Повар одел белоснежный колпак, в кают-компании появилась свежая скатерть, появились, как первые цветы земли, галстуки у воротников.

Гиршевич вздохнул свободно: его уже хорошо принимали береговые радиостанции, наперебой предлагая свои услуги. Услышав позывные «Седова», радисты всей Арктики вызывали Гиршевича и поздравляли его с благополучным возвращением.

Так шли мы мимо коричневых берегов Новой Земли, курившихся клубами невиданных облаков. Се

рый дым их то разрывался огромными клубами белого пара, то снова соединялся в фантастические небесные сказки. Кулик прилетел к нам с Новой Земли. Ослепший на один глаз, он прыгал по палубе, жалобно хлопая крыльями. Он был нашим пассажиром до Архангельска.

10 сентября у Гусиной Земли корабль повернул к западу, взяв курс на Канин Нос. Здесь, между Гусиной Землей и Каниным Носом, у острова Колгуева встретили мы первую ласточку земли—немецкое судно. То был легкий, нырявший в волнах рыболовный тральщик.

Море играло светом, зеленея и переливаясь, швыряясь пригоршнями солнечных блестков. Огромные киты-касатки играли на солнце, пуская высокие хрустальные фонтаны над поверхностью воды. Сияющая вода бежала за кораблем, — и это были свет, радость, первое тепло и наслаждение жизнью.

Мы уже повстречали советских рыболовов. Близко-близко за световой далью океана лежали земли возвращающихся. Наступало счастье приезда, веселые хлопоты укладки. В трюмах давно кипела суетливая, хозяйственная возня. Упаковывались в ящики многочисленные геологические коллекции, собранные нами на островах Земли Франца-Иосифа. Свертывались лаборатории. Широкие плоские ящики, с сотнями расставленных в них бутылочек с пробами воды, бережно складывались целыми штабелями. Укладывались и солились желтоватые, с бездонным теплым

мехом, шкуры медведей и жесткие, словно навощенные кожи тюленей. В твиндеке беспрерывно плясали молотки, выколачивая песню о счастливом плотнике. На палубе щедро пенились потоки воды, надувались шланги и хозяйственные морские швабры приводили в порядок палубные доски. «Седов» прихорашивался и мылся.

11 сентября на горизонте мы увидели широкий черный дым. Это шел английский лесовоз из Архангельска. За ним прошел мимо рейсовый пароход печорской линии. И — везде нас встречали гудки, салюты. Берег приближался. Мы прощались с океаном, в последний раз тонули глазами в его бесконечной светлозеленой выби.

Пловучий маяк у входа в Двину был концом нашей северной эпопеи. Мы шли рукавами Двины, «баром», берегами, сплошь покрытыми пиленым лесом, мимо пристаней, где у низких штабелей бревен грузились иностранные суда. Мы шли дельтой, одним из узких фарватеров, сопровождаемые несмолкаемыми криками, несшимися с обеих сторон. Навстречу уже спешили моторные катеры.

Вот и военный порт, судоремонтный завод, долгие протяжные его гудки, знакомые трубы и мачты. Загудел протяжный, могучий бас «Малыгина». «Седов» ответил ему радостным ревом. Это была встреча двух ледокольных братьев, кинувшихся своими голосами друг к другу, обнявшихся на низких, бледных архан-

гельских просторах своими заунывными полярными гудками. «Малыгин» стоял на стальпелях сухого дока, залечивая старые раны. Долго из-за железных стен дока вырывались его братские, приветственные вскрики.

Все ближе, ближе стала наплывать набережная, покрытая народом. Моряки уже узнают своих жен и возлюбленных, на корабле полнос молчание, люди стоят с остановившимся дыханием... По набережной бегут, торопятся. Криков уже неслышно: на севере не машут руками, не кричат, приветствуя вернувшихся, как это бывает на юге...

Никогда не берет лоцмана при входе в Двину наш Владимир Иванович. Но сегодня он слишком занят своим кораблем и разрешает лоцману пловучего маяка подняться на капитанский мостик. Владимира Ивановича нет там наверху, где мы так привыкли видеть его фигуру в исполинском мохнатом тулупе и теплой шапке, из-под которой устремлялся вдаль его суровый, настороженный взгляд. Но, однако, где же он? Куда пропал наш неизменный, прекрасный Владимир Иванович?

Я вижу стройного и мужественного европейца в легком коверкотовом пальто и в мягкой шляпе. Твердый, ослепительно белый воротничок оттеняет его красную, обветренную всеми полярными ветрами шею, глаза его весело блестят, усы закручены вверх...

Земля! Земля. Она встала перед нами, расцвеченная флагами, она горячо гудела напряженным движе

нием тысячной толпы, зеленела своими деревьями, говорила языком праздничной человеческой массы.

Сдержанно потрясывало корабль последними движениями машины. Владимир Иванович что-то кричал в рупор. «Седов» осторожно прикоснулся к набережной, дрогнул...

Земля. Мы вернулись из стран, откуда многие никогда не возвращаются.

Москва. Октябрь 1929.

ВЕСТИ С ЗЕМЛИ ФРАНЦА-ИОСИФА

(Радиограммы корреспондента Роста Георгия Шашковского).

Земля Франца-Иосифа. 25/X — 29. (Роста). Бухта Тихая и прилегающие к ней водные пространства все еще не замерзли. Полному замерзанию препятствуют теплая погода, сильные течения и низкая облачность.

Между одиноко стоящими на мели айсбергами, торосами и стамухами на чистой и спокойной воде плавают группы нерп и тюленей. 11 октября недалеко от берега наблюдалось небольшое стадо гренландских тюленей, ушедшее в Британский канал. Животные, играя, почти выпрыгивали из воды.

Сотрудниками станции совершаются экскурсии на парусной лодке по обследованию прилегающих островов, выяснению ледового режима, фотографированию айсбергов и заготовке мяса для собак.

Во время экскурсий за лодкой, оставленной на острове Скотт Кельти группой Шмидта, мы видели моржа и много тюленей. Шашковским и Муровым во

время обследования долины Молчания убита в берлоге белая медведица больших размеров.

Заготовленные для корма собак 7 медвежьих туш, висящих на открытом воздухе, привлекают запахом непрошенных гостей. Начальником станции убит медведь, расположившийся около крыльца дома с куском мяса в зубах. Собаками загрызен белый песец, укравший кусок медвежьего сала. Убито несколько нерп, тюленей и белая полярная курочка, существование которых на этой широте никем не подозревалось.

Метеорологическая станция ежедневно, начиная со 2 сентября, посылает в Ленинград радио о состоянии метеорологических элементов на Земле Франца-Иосифа. Площадка с приборами для наблюдений электрифицирована.

Производятся аэрологические наблюдения по исследованию верхних слоев атмосферы. С помощью воздушных шаров производятся наблюдения за интенсивностью и движением полярных сияний. Радиостанция вступает в связь с отдельными городами Западной Европы. Получено много приветствий от научных и общественных организаций, благоприятно действующих на настроение зимовщиков.

Земля Франца-Иосифа. 8 XII — 29. (Роста). Бухта Тихая скована плотным ледяным покровом. Отдельные торосы и куски многолетних ледяных полей, в продолжение лета и осени непрестан-

но носившиеся течениями вперед и назад по несколько раз в день мимо станции, застыли.

Однако наблюдаемые при лунном свете быстро несущиеся низкие слоистые облака указывают на наличие вблизи острова участков открытой воды. Наступила полная тишина. Замолк постоянный однообразный шелест ледяных волн океана и шорох трущихся и сталкивающихся льдин. Улетели последние из многочисленных пернатых обитателей мрачного архипелага. В районе поселения исчезли белые медведи—спутники открытой воды. Около месяца живем в абсолютной темноте, за исключением полнолуний, ожидаемых с нетерпением засидевшимися дома людьми.

Попытка трех человек подняться при свете полярного сияния на расположенный в глубине бухты ледник окончилась неудачно. При самом начале подъема начался гул и треск, предвещающие образование новых трещин и перемещение ледяных масс. Подъем пришлось прекратить.

Непредвиденное, внезапное похолодание 29 ноября, снизившее температуру воздуха до точки замерзания ртути вызвало временный перебой в работе метеорологических приборов, беспрерывно регистрирующих изменения элементов погоды и неприспособленных к таким резким колебаниям.

В последние дни стоит теплая погода—минус 6—8 градусов.

Земля Франца-Иосифа. 7/I—30. (Роста). Семеро обитателей Земли Франца-Иосифа, сотрудники советского Института по изучению Севера, радостно встретили праздник солнца, знаменующий наступление второй фазы полярной ночи—приближение светлого времени, ожидаемого с таким нетерпением. Получена приветственная телеграмма от Фритиофа Нансена, проходившего вдвоем со штурманом Иогансеном тридцать четыре года назад в июне, во время беспримерного двухлетнего тысячеверстного блуждания пешком по движущимся льдам, мимо теперешнего местонахождения станции. Абсолютная темнота арктической ночи, частые шторны, метели и непрочность льда приковывают зимовщиков к дому и делают затруднительными даже близкие лыжные прогулки. Вследствие продолжительной оттепели временами температура повышается до нуля. От упорно дующих юго-восточных ветров в выходе из бухты Тихой образовалась большая полынья, в течение 8 дней увеличившаяся до площади в несколько квадратных километров. Отдельные куски льда около станции постоянно отрываются и уносятся ветром и течением в Британский канал. Частые отлучки собак, их упорный надрывный лай в темноте указывают на наличие зверей. Единственная связь с далеким материком — радио — вносит большое разнообразие и радость и уничтожает впечатление оторванности. В хорошо обставленной уютной кают-компании вечером раздаются голоса ленинградского радиоцентра,

московского Коминтерна, знакомящие с последними событиями и достижениями, полярными новостями, глубоко волнующими дружную семью зимовщиков. В ночное время в эфир выползает Западная Европа—Берлин и Эйфелева башня в Париже со своими бесконечными фокстротами, шансонетками и рекламой. Утром, в ночной тишине, при полярном безмолвии, далеко разносится четкий стук мотора. Это радиостанция передает результаты метеорологических наблюдений. Проходя длинную цепь передающих радиостанций, расположенных южней, преодолевая тысячеверстные пространства Арктики, наши метеосводки попадают в Ленинград, в Главную Обсерваторию.

Земля Франца-Иосифа. 12/I—30. (Роста). 12 января, в 11 час. 40 мин. по московскому времени коротковолновая полярная радиостанция Земли Франца-Иосифа имела непосредственную связь свыше часа с американской радиостанцией адмирала Берда, расположенной около южного полюса (вблизи барьера Росса на море Росса). Географические координаты этой станции—78 град. 35 мин. 30 сек. южной широты и 163 град. 35 мин. западной долготы.

Работу нашего оператора Эрнеста Кренкеля американские собеседники слышали оглушительно. С южного полюса сообщают следующее:

«Сегодня летний день, — всего 2 градуса мороза. Стоит конец лета. Под влиянием солнечных лучей

лед оттаивает. Большая облачность препятствовала подъему самолета. Судно экспедиции «Сити оф Нью-Йорк», пройдя берега Новой Зеландии, приближается к кромке льда, с целью сменить состав экспедиции. Экспедиция имеет три самолета. Главная база находится на барьере Росса и состоит из 42 человек. Есть много ездовых собак. Недавно возвратилась берговая партия, прошедшая 400 километров. Полгода назад прошла полоса 60-градусных морозов».

Мощность радиостанции Берда—800 ватт, мощность нашей—¼ киловатта. Американцы интересовались также судьбой летчиков Эйельсона и Борланда.

Покрыто расстояние более чем в 20 тыс. километров. Американцы отвечали на наш общий вызов. Нужно полагать, что установлен мировой рекорд дальности радиосвязи.

---

1 января 1930 г. автор получил следующую радиограмму:

32. Земля Франца-Иосифа. 163.31.31.1830. Москва ТАСС Экслеру:

Бокалы выпиты за радость летней встречи,
За новый год, за солнце, за рассвет,
За тех, кто помнит. Прозвучали речи.
В просторах Арктики за льды и лунный свет.

Зимовщики.

В СОВЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ЗЕМЛЮ ФРАНЦА-ИОСИФА В 1929 ГОДУ УЧАСТВОВАЛИ:

Начальник экспедиции и правительственный комиссар Земли Франца-Иосифа — проф. О. Ю. Шмидт.

Помощники начальника экспедиции — директор Института по изучению севера — проф. Р. Л. Самойлович и проф. В. Ю. Визе.

Командир ледокольного парохода «Георгий Седов» — В. И. Воронин.

Бабич А. И. — матрос второго класса, Баев П. Н. — кочегар первого класса, Баклан В. Е.—служитель лаборатории, Белкин Р. И. — судовой врач, Бобров Я. Н. — матрос первого класса Бондаренко В. Т. — матрос второго класса, Блинов М. В. — кочегар первого класса, Васильев С. В. — угольщик, Весеньев М. Т. — специальный корреспондент «Правды Севера», Гиршевич Е. Н.—радист, Горбунов Г. П. — зоолог, Громов Б. В. — специальный корреспондент «Известий ЦИК», Екимов И. В. — буфетчик, Иванов В. А. — матрос первого класса, Иванов И. М. — географ, Илляшевич Е. Е. — техник-строитель, Калинин А. В. — матрос второго класса, Карконосов М. А. — матрос первого класса, Коппе Ф. Я. — кочегар первого класса, Лактионов А. Ф.—гидрохимик, Малявкин Н. Я. — кок, Матвеев М. М.—второй механик, Новицкий К. П.—кинооператор Совкино, Ожигин Д. В. — кочегар первого класса, Падорин Ф. В.—второй штурман, Поляков В. П.—кочегар первого класса, Постнов С. Я. — повар, Потаев

Д. С.—старший машинист, Симаков А. А. — третий механик, Симанов М. Ф.—угольщик, Смирнов Т. М.—машинист первого класса, Соколов Ф. А. — матрос второго класса, Третьяков С. Н. — матрос первого класса, Уткин Л. З.—кочегар первого класса, Ушаков Б. Е.—второй штурман, Фадеев Н. И.—кочегар первого класса, Федяков В. В.—кочегар первого класса, Фефелев А. Д.—угольщик, Хлебников Ю. К. — старший помощник капитана, Шиповаленков Е. А.—старший механик, Шубный, А. Д.—второй радист, Шмаков А. Н.—машинист второго класса, Шипаков П. П. — ученик морского техникума, Экслер И. Б. — специальный корреспондент ТАСС, Яицев Е. Г.—боцман.

Обсерватория построена артелью плотников под руководством Е. Е. Илляшевича.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.

ПЕРВЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ЗЕМЛИ ФРАНЦА-ИОСИФА ОСТАЛИСЬ:

Илляшевич, Петр Яковлевич — начальник полярной метеорологической обсерватории и самого северного в мире человеческого поселения.

Шашковский, Георгий Александрович — метеоролог обсерватории.

Георгиевский, Борис Дмитриевич—врач обсерватории.

Кренкель, Эрнест Теодорович — радиооператор полярной коротковолновой радиостанции (позывные RPX) и научный сотрудник радиоэкспериментального института.

Муров, Михаил Степанович — механик радиостанции.

Алексин, Алексей Матвеевич—служитель обсерватории.

Знахарев, Владимир Антонович — повар.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие О. Ю. Шмидта	5
1. Когда уходят корабли	7
2. За грань полярного круга	22
3. Под «ледяным небом»	28
4. Охота на медведей Арктики	39
5. Где молчат айсберги	93
6. Бухта Тихая	57
7. Первый раз в мире	93
8. Хождение по мукам	105
9. Курс на юг	136
Приложения	158